

ЛАРОЧКА



Михаил Попов

КАНДИДАТ НА ПРЕМИЮ
«БОЛЬШАЯ КНИГА»

Михаил Михайлович Попов

Ларочка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8006851
Ларочка / М. М. Попов.: РИПОЛ классик; Москва; 2014
ISBN 978-5-386-07394-7

Аннотация

Через судьбу Ларочки, главной героини романа предпринят анализ огромного и противоречивого периода недавней истории страны. В романе прослеживаются судьбы героев, их жизни на фоне непростого, многослойного распада Союза. Роман – это история постепенного превращения симпатичной провинциальной отличницы в акулу пера перестроечных времен. Потом она становится думским деятелем нулевых годов. Лариса Конева и ее мужчины: отец-офицер, друзья, любовники, соратники, поэты, художники, депутаты, генералы, миллионеры, фарцовщики, оппозиционеры. Отношения со всеми этими персонажами прямо или опосредованно влияют и «оттачивают» нежную женскую душу.

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	15
3	27
4	34
5	39
6	42
7	45
8	55
9	64
10	73
11	79
12	96
13	100
14	112
15	118
16	121
17	124
18	133
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Михаил Попов

Ларочка

© М. М. Попов, 2014

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Однажды, ночью вороною,
молчанье белое храня,
прекрасный ангел спал со мною
и сделал девушкой меня.*

А. Герасимова

Часть 1

1

Майский полдень в советском райцентре конца 60-х. Неподвижная свежая зелень на деревьях вдоль улицы Советской, взбодренной утренним ливнем. Редкие прохожие смутно отражались в зеркале асфальтового тротуара. Входные двери «современного» – стекло, бетон – универмага отбрасывали большие веселые блики, выпуская и впуская покупателей. Тележка с рукотворной газировкой подвергалась бесшумной атаке ос, это раздражало пухлую продавщицу. На противоположной стороне улицы господствовала афиша кинотеатра «Заря», на ней было начертано огромными белыми буквами непонятное слово «Героин».

Третьеклассница Ларочка Конева возвращалась из школы домой. Пробежав мимо универмага, она свернула на улицу Коммунистическую, в конце которой видны уже зеленые ворота военного городка, где служит ее отец, капитан Конев, и проживает все ее семейство, состоящее еще из бабушки Виктории Александровны и мамы Нины Семеновны.

Дорога вела мимо обшарпанной третьей школы, в которую Ларочку не пустили родители, хотя она и ближе к дому, потому что у третьей плохая репутация. Ларочка искрен-

не гордилась, что учится в пятой; она бежала мимо райкома комсомола, с бюстом неузнаваемого Ленина на постаменте перед входом; мимо магазина «Филателист», где кроме марок, продавались карандаши, тетради и канарейки; мимо...

– Девочка, хочешь конфетку?

Дядя. Незнакомый. Некрасивый. Серые штаны на тонком ремешке, рубашка с короткими рукавами и связкой олимпийских колец на нагрудном кармане. Улыбается. Но улыбка неприятная.

Ларочке не хотелось никакой конфетки. Дома ее, наверно, уже ждет мама, обещавшая приехать сегодня утром. Она была «в области» на курсах повышения медработников, и уж конечно привезла кое-что поинтереснее конфеток. Но дядя улыбался так заискивающе, что третьекласснице стало его жаль, и она кивнула – ладно, давайте свою конфетку.

Он неловко полез в карман, и лицо его стало виновато-удивленным.

– Ой, забыл. Тут рядом в мастерской, пойдем, я тебе там дам.

На лице Ларочки появилось сомнение. Ей никуда не хотелось идти, и дядя быстро спросил, пока она не успела отказать:

– Тебя как зовут, девочка?

– Лариса, – сказала школьница, так ее научили себя называть в официальной обстановке, например в классе. Данную ситуацию она сочла нужным рассматривать тоже как офици-

альную.

– Ларочка! – воскликнул негромко дядя, и девочка удивилась и была немного сбита с толку. Незнакомец легко и сразу вычислил ее домашнее, ласковое имя.

Она кивнула.

– Вот и хорошо, пойдем. Пойдем, Ларочка. А то мне так стыдно, пообещал конфету, а сам забыл.

Вот как все обернулось. Дядя шмыгал носом, он был очень смущен. Кроме того, можно считать, что они уже как-то сошлись. Почему бы не сходить? Не из-за конфеты, конечно. Просто немножко любопытно, да и дядю жалко, какой-то он... даже, кажется, хромает.

– А это не за речкой?

Родители и бабушка категорически запрещали Ларочке ходить через мост за Чару, там ивняки, там заброшенная лодочная станция, со страшными дырявыми байдарками, там мальчишки жгут костры и дерутся.

– Да нет, за какой речкой, здесь рядом, за кочегаркой.

Получается, что она ничего не нарушает, все рядом, возьмет конфету – и все. Третьеклассница хлопнула портфелем по коленке:

– Пойдемте.

– Вот и хорошо, и не надо меня бояться.

– А я и не боюсь.

Ларочка сказала правду: ей нисколько не было страшно.

Они свернули с улицы на тропинку между липами и на-

правились вглубь двора. Мимо напряженно гудящей трансформаторной будки, как будто проглотившей огромную пчелу. Мимо прохладной компании белоснежных простыней на провисшей веревке.

– Куда, сюда? – деловито осведомилась Ларочка. Такой у нее был характер. Если приняла решение, то дальше она сама решительность и деловитость.

– Сюда, сюда! – хрипло шептал дядя, отворяя грязную железную дверь и опасливо оглядываясь, не обратил ли кто внимания на них. Место глухое, тихое, хоть и в центре города.

Коневы жили в отдельном одноэтажном доме с садом, примыкавшим к реке. Конечно, нет тех удобств, что в недавно построенных пятиэтажках для офицерского состава, но зато какой простор. Жена Нина пилила капитана: «Тебя не ценят, ты тряпка, удивляюсь, как нас вообще в капонир не загонят». А капитану его «помесье» нравилось – и огород под боком, и рыбалка. Ларочке тоже нравилось жить у реки, например, этой весной, когда начался ледоход, то у них льдины плавали между яблонями, царапая острыми краями мокрую кору, а папа со своими солдатиками спасал под причитания жены и вой сирены картошку из родимого погреба.

Бабушка Виктория, как всегда, пила с улыбкою кофе, стоя на крыльце в черно-золотом халате с драконами. Она смотрела на наводнение без страха и внушила это бесстрашие

внучке: «Что поделаешь, это стихия, Ларочка».

Ларочка вбежала в большой, неправильно скроенный и от этого особенно уютный дом, где открыты все окна, отдернуты все занавески, и куда ни глянь – жасмины и сирени, то в оконных проемах, то в зеркалах.

– Папа! Мама! Бабушка! – потрясенно кричала третьеклассница, вращая портфелем как пропеллером.

Ей нужно было немедленно с кем-то поделиться открытиями, которые она только что совершила. Она была уверена, что все страшно удивятся. Что похвалят, она уверена не была. Вернее, не думала сейчас об этом.

Главное – рассказать!

Первая по коридору с веранды комната – спальня. Папина и мамина. Там всегда торжественно пахнет духами, там таинственно лоснящиеся шкафы с вожденными платьями и туфлями на каблуках.

– Мама!

Мама Нина стояла на коленях перед открытым чемоданом и нервно запихивала в него вещи. Пальто с песцовым воротником, босоножку, замотавшуюся в газовый шейный платок, и хрустальную салатницу. При этом мама тяжело навзрыд плакала. Нескладно, кое-как, набив фибровое вместилище, она начала его закрывать, надавливая чашкой грудью на непокорную крышку.

Ларочка была потрясена: вместо того чтобы вытаскивать щедрые подарки из командировочного чемодана, она вела

себя совершенно противоположным образом!

Школьница бросилась маме Нине сбоку на шею, чем нарушила ее равновесие на коленях:

– Что я расскажу, мамочка, что я расскажу!

– погоди, дочка.

– послушай, мамочка, послушай!

Чтобы не упасть на бок, придавливая говорунью, Нина Семеновна оттолкнула ее острым локтем:

– Я сказала, погоди!

Ларочка слегка опешила от этого приступа резкости. Она считала, что такого отношения никак не заслужила, она ведь хотела всего лишь рассказать...

– Не мешай, Лариса, не мешай мне!

Голос у мамы был такой, что девочка совсем растерялась. Она не отказалась от своей идеи порадовать домашних описанием удивительного события, произошедшего только что с нею, ее не так-то легко было сбить с выбранного курса, она лишь решила слегка поменять порядок радуемых.

Выскочила в упоительно затхлый полумрак коридора и взорвала его:

– Папа!

Николай Николаевич Конев сидел в комнате, называвшейся «зал». Сидел в продавленном кресле из чешского гарнитура с деревянными подлокотниками, под торшером: два опрокинутых ведерка из крашеного картона. Он был в домашних штанах, подтяжках, голова очень круто поникла и была схва-

чена обеими руками самым отчаянным образом.

– Папа, послушай!

Капитан не мог слушать, его расплющивало неизвестное горе, и, кажется, еще и смешанное с позором. Ларочка, конечно, не отметила про себя именно эти особенности отцовской позы, она просто удивилась тому, как он странно сидит. Может, устал?

– Папочка, я тебе сейчас что расскажу!

– Не сейчас, Ларочка, не сейчас.

– А когда? – искренне и требовательно удивилась шумная школьница.

– Не сейчас, Ларочка, не сейчас.

Дочь очень удивилась. Папа никогда ей ни в чем не отказывал. Она знала, что папа ее любит, ей было приятно знать, что он ее любит, но вместе с тем она не раз слышала от мамы, что отец у них «тряпка», он вообще не способен отказать женщине ни в чем, если она его хотя бы чуть-чуть попросит. И вот теперь папа отказывал ей.

С ума сойти!

Когда рассчитываешь на полную безотказность, то даже мягкий отказ сбивает с напора и ритма.

– Что же мне, к бабушке пойти? – вслух высказалась школьница.

В ответ на это капитан Конев только странно дернулся и еще сильнее сцепил пальцы на затылке.

Папа явно испуган. Ларочка знала, что ее папа «боевой

офицер», но при этом привыкла к мысли, что его очень легко поставить на место, которое предусмотрено для него в семье. И мама, и бабушка легко проделывали эту операцию, и дочь капитана знала, что и ей по наследству перейдет это право.

Ларочка не выбежала из «зала», а вышла медленно, размышляюще, прикусив губы. И увидела в дверном проеме Викторию Владимировну, она как ни в чем не бывало гладила на веранде, расположив гладильную доску у решетчатого окна, закрытого с той стороны бесплодным виноградом. Бабушка орудовала утюгом, прицелившись глазом в его поблескивающий нос, и что-то брезгливо напевала.

Вот ей она все и расскажет, решила школьница. Правда, желание поделиться невероятным событием из своей жизни уже начало потихоньку уступать желанию разобраться в том, что происходит в семье.

Тихо выйдя на веранду, она остановилась.

Виктория Владимировна отметила ее появление периферическим зрением, но не стала уделять меньше внимания гладке. Даже поднесла ко рту утюг и плюнула ему в дно.

Ларочка молчала, обдумывая, с чего и как начать. Бабушку она не только любила, но и уважала. В свои сорок восемь лет Виктория Владимировна сохранила в себе больше женского начала, чем ее все отдающая работе и семье дочь в тридцать. Работала в парикмахерской, называла его «салонном красоты» и вела себя там верховной жрицей, хотя не считалась особо талантливым мастером ни среди коллег, ни

среди клиентов. Но попробовал бы кто-нибудь ей об этом сказать в глаза.

– Ну, что, Лариса, что тебе нужно, дочка? – Ларочке нравилось, когда бабушка называла ее так.

– Ты знаешь, Вика (бабушкой Виктория Владимировна называть себя запрещала), сегодня такое случилось!

– Да знаю, знаю.

Ларочка открыла рот.

– Знаешь?

– Конечно.

Бабушка снова плюнула в утюг.

– А кто тебе сказал?

Виктория Владимировна повернулась к ней, поставив утюг на расплющенную юбку. Наклонилась к внучке, подавляя мощным черноглазым взором:

– Я вообще все знаю наперед. Ты сегодня перешла в четвертый класс, правильно?

Ларочка не успела возразить. Бабушка своей простой, однозначной правотой перебила ее столь необыкновенную историю в том тихом дворе за железной дверью.

Тут еще сзади раздался такой звук, как будто весь дом вдруг поставили на пилораму и начали распиливать. Мама пронеслась по темному коридору в «зал» и накинулась там на капитана Конева, и так на все согласного.

Виктория Владимировна прорычала несколько непонятных слов и решительно пошла вглубь дома:

– Ну хватит, хватит! Что теперь делать, надо же как-то жить.

Ларочка вздохнула. Взгляд ее упал на гладильную доску – юбка сгорит! Она схватила утюг, поставила его на специальный плоский камешек, осторожно, чтобы не обжечься. И заметила вдруг, что утюг не включен, вилка волочится по полу. Зачем же тогда бабушка на него плевала?

А из недр дома доносился звук мучительного, с закушенными рыданиями и сдавленным беспросветным воем (мама Нина) скандала, поверх которого то и дело всплывало уверенное, повелительно успокаивающее мнение бабушки:

– Надо как-то жить!

2

Так ничего в тот день и не выяснилось. Взрослые не подпустили Ларочку к логову своих разборок, и действовали они настолько консолидированно, что она даже зауважала их общую слезоточивую и невразумительную тайну. Было понятно, что они ни официально хором, ни сепаратно поодиночке не сообщат ей ничего. Ладно, решила она, не сегодня, так завтра кто-нибудь проколется, правда проклянется, так уж бывало не раз. А пока она им сама и отомстит, то есть ничего не скажет о своем приключении в холодной кочегарке, тоже ведь было интересно, а они пусть не знают, дураки.

Свой секрет Ларочка решила опробовать на подружках, на таких же офицерских дочках, как и она сама. Она была главой выводка одногодок, и по ее сигналу все имевшиеся поблизости Наташи, Лены и Кристины собрались в «штабе», покосившемся, вросшем в землю жестяном вагончике, давным-давно забытом строителями.

Сошлись, готовые приобщиться. Затаив дыхание, выпучив глаза, кто простодушно, кто лукаво их прищурив.

– Так вот, – начала Ларочка. Описала улицу, по которой шла домой, описала мужчину, предложившего ей конфетку, и все офицерские дочки заявили, что узнают его даже из тысячи. Девичье дыхание сделалось чаще, когда пошла речь о закоулках, по которым мужчина с олимпийскими кольцами

на кармане вел Ларочку в укромное место. И чем чаще Ларочка повторяла, что ей было совсем не страшно, тем затаеннее становилось дыхание слушателей.

Растягивая удовольствие, она замолчала, победоносно оглядывая подружек, она очень остро переживала факт своего превосходства над этими десятилетними и даже постарше клушами.

– И тогда он расстегнул ремень...

– Ой-ей-ей, девочка, мне пора, мне надо идти, – вскинулась белобрысая Света Михальчик. Дернулась было к выходу, но цепкие пальцы более устойчивых в нервном смысле товарок пригвоздили ее к месту. Не сбивай рассказа!

Света захныкала, но это никого не тронуло.

– И тогда...

Пронизанный струями пыльного света из узких окошек вагончик замер, даже перестало пахнуть застарелым мазутом.

Ларочка еще раз набрала воздуха в грудь, которой предстояло очень и очень развиться в будущем.

– И...

Неплотно прикрытая дверь вагончика распахнулась, и в проеме показалась бесформенная и кажущаяся громадной и угрожающей мужская фигура. Разумеется, все офицерские девочки решили, что это явился он – олимпиец.

Взрывом общего визга рыбака, носившего по странному совпадению имя майор Рыбаков, просто выбило вон из про-

ема, и он пропустил свору верещащих девчонок, как стайку рыб в разрыв невода.

Ничего не понял, всего лишь зашел за банкой накопанных червей, а тут шабаш юных вакханок (если он знал это слово).

Понятно, что волнующая повесть о Ларочкином приключении мгновенно распространилась сначала по военному городку, а потом и другим городским кругам. Самым клейким ее местом был не озвученный конец. Женскую половину слушателей больше всего заинтересовал сам факт – с чьей именно девочкой произошло такое щекотливое приключение? «Ах, Конева!» Мужскую интриговало, насколько далеко, после расстегивания ремня, зашло дело.

Но тут начиналась тишина. Трудно сказать, почему Ларочка пресекла попытки повторных пресс-конференций на эту тему. То ли поняла, то ли почувствовала, что если она расскажет все, то перестанет вызывать живой интерес, и останется ей лишь один только нездоровый. То ли руководствуясь еще каким-то диким девичьим капризом. Психология существ этого пола и возраста за гранью понимания какой бы то ни было психологической науки.

Вместе с тем она постоянно оставалась в центре внимания, и не только недокормленных запретным плодом одногодок из гарнизона. Они-то всеми силами отдались служению жутковатой тайне пола. То и дело какая-нибудь Наташа, или Света, подбегали к ней и страшным шепотом сообщали, что «видели его!». И тогда приходилось всей быстро разрастаю-

щейся толпой лететь или к керосиновой лавке, или к пункту заготовки вторсырья, или к книжному магазину возле автовокзала.

И каждый раз случалось одно и то же.

Мужики, отловленные бдительным вниманием подружек, ну ни в малейшей степени не подходили под описание, сделанное на первом выступлении Ларочки в вагончике на берегу. Это были лысые толстяки, носатые, с бородкой, а то и вообще одноногие дядьки на протезе.

Ларочка сначала волновалась, потом начала злиться, а уж когда со своей «информацией» к ней подкралась Катька Куркова, приехавшая в город через неделю после события в кочегарке, Ларочка надавала ей по физиономии. После этого решили, что она «истеричка».

Взрослые, до которых эта история тоже не могла не дойти, понимающе кивали головами: «А что вы хотите, девочка пережила такой кошмар». И пытались осторожно поговорить с родителями и бабушкой Ларочки.

Те искренне не понимали, о чем идет речь, даже шаркались от всяких попыток разговора по душам – у них были свои основания не впускать никого во внутреннюю жизнь своей семьи – и приходили в ужас от одной мысли, что посторонние начали догадываться об их тайне.

«Какие они странные, эти Коневы».

«Да, уж».

«Я всего лишь сказала Нине, покажите хотя бы ее врачу. А

она вылупилась на меня и говорит – кого? Как кого, говорю, неужели непонятно!»

«Да что с ней может случиться?!»

«А если забеременеет, что будете делать?»

«Да кто в таком возрасте беременеет?!»

«А я только прочитала в „Науке и жизни“, что в Бразилии девочка, которая в восемь уже родила».

Нина Семеновна, подвергшаяся этой деликатной попытке поговорить, заорала страшным голосом и, отпихнув слишком добрососедски настроенную подполковницу, убежала из магазина, роняя из хозяйственных сумок батоны и яйца.

Конечно, по гарнизону и городу поползли все более чернеющие слухи.

Чем бы это кончилось – сказать трудно, но дело в том, что Коневы вдруг уехали из гарнизона.

Капитан, несмотря на всю свою мягкотелость и неспособность к отстаиванию своих интересов, добился перевода. Да еще и в область, да еще и на майорскую должность.

В гарнизоне к этому переводу отнеслись с пониманием, и даже поползли слухи, что таинственный владелец того самого ремня не простой человек.

Накануне отъезда был устроен по настоянию Виктории Владимировны (кстати, остававшейся для отдельного проживания в одной из комнат гарнизонного дома Коневых и при своей стильной работе в салоне красоты) некий вечер

прощания. Помимо членов капитанского семейства, в числе приглашенных были еще и старший лейтенант Стебельков с супругой и трехлетним сыном – им доставалась большая часть жилплощади убывающих Коневых, – а также Лион Иванович, соученик Виктории Владимировны по Ленинградскому институту культуры. Автор скетчей и комических сюжетов в основном для коллективов художественной самодеятельности, но иногда прорывавшийся и на профессиональную эстраду, перебравшийся к тому моменту в Москву. В общем, человек из мира большого искусства. Маленький, ловкий как хорошо одетая обезьянка, в бежевой тройке с бабочкой, в очках без оправы и с часами на цепочке. Вся эта сложная экипировка производила должное впечатление, почти все приглашенные немножко робели, несмотря на всю доступность и деликатность и легкую смешливость гостя.

Виктория Владимировна подавала его как центральное блюдо своего пира, как какая-нибудь сиамская императрица потчует гостей редким жареным скорпионом.

Конечно, Лион Иванович прибыл к гарнизонному столу не специально, это было бы слишком. Просто в окрестностях городка, вмещающего танковый полк, находился старинный монастырь, где происходили съемки слезливо-исторического кинополотна под условным названием «Полонез Огинского», а однокорытник Виктории Владимировны состоял в сценарной группе и имел шанс даже оказаться в титрах по итогам работы.

Конечно, демонстрируя уровень своих творческих друзей, Виктория Владимировна очень поднимала свой статус. Она собиралась появиться с Лиошей и в своем салоне и организовала через майора Глуховца, начальника гарнизонного клуба, вечер-встречу с «известным деятелем кино», но для начала и с самой большой pedalью подала скетчиста у себя за столом в домике над Чарой.

Стебельковы были в отпаде, кажется, так тогда говорили. Незаметно для них самих этим застольем устанавливался на годы вперед стиль их отношений с работницей салона красоты. Конечно, это будет что-то вроде добровольного радостного рабства: их мальчишка, когда подрастет, будет бегать в магазин, старший лейтенант – чинить бытовую технику, а мадам Стебелькова – гладить и, возможно, даже стирать для подруги Лиона Ивановича.

Коневы держались много суше. Скетчист это чувствовал, но это его не расстраивало. Он был дружелюбен, любезен и в силу этого выгодно смотрелся на фоне буки капитана.

Когда он шутил, Стебельков хохотал громче всех, показывая широту своей натуры. Ларочку посадили за стол как почти уже большую девочку, чем дали волю ее наблюдательности. Она презрительно косилась на веселого офицера, он ей казался предателем. Почему он не так же суров, как папа?

Она в течение этого вечера укрепилась в своем отношении к отцу и узнала одну поразительную для нее вещь. Сначала про отца. Его она жалела, и уже давно, о чем шла речь

выше. Но не только лишь жалела. Вынося его образ из стен дома, где он играл роль предмета мебели, да еще и не главного, она считала своим долгом им гордиться и всегда до последнего отстаивала его точку зрения на явления окружающего мира.

Был такой случай в ее школьной жизни. Учительница как-то задала классу загадку: «Что это такое, что и в воде не тонет, и в огне не горит?» Ларочка сразу выбросила вверх свою решительную руку, ибо досконально знала ответ. Ведь папа ей сказал как-то, что это русский солдат, «он и в огне не горит, и в воде не тонет».

Зная избыточную активность ученицы Коневой, учительница не стала ее спрашивать, а спросила кого-то другого. И другая девочка сказала: «Лед!» Была похвалена за правильный ответ, что вызвало совершеннейшую ярость Ларочки, она продолжала тянуть руку, она требовала, чтобы выслушали и ее ответ. Ответ, который казался ей возвышенным и прекрасным, в отличие от банального ответа той другой девочки.

Наконец учительница, недовольно кривясь, дала ей слово.

– Русский солдат!

– Что русский солдат? – устало переспросила учительница.

– Русский солдат и в огне не горит, и в воде не тонет!

Учительница встретилась с Ларочкой взглядом и поняла, что спорить не надо:

– Да, можно сказать и так, что лед и русский солдат немного похожи.

Гордая своей победой, Ларочка в тот же вечер рассказала отцу об этом эпизоде.

– Я ведь правду сказала, папа?!

Капитан, в тот момент оторванный злой женской волей от любимого хоккея ради прополки картошки, обнял дочку и, шмыгнув носом, сказал:

– Солдат, да дочка, а вот офицер...

И ей стало его так жалко, и эта жалость таким удивительным образом перемешивалась с гордостью за него, за ту правду, что он позволял ей испытывать перед той тусклой учительницей там, среди тупо хохочущего или вяло зевающего класса.

– Папочка, а я ведь дочь офицера?

Капитан только сильнее ее обнял.

А в тот прощальный вечер произошло что-то скверное. Папа напился, хотя, в общем-то, не был гулякой и алкашом, как большинство подкаблучников.

Говорили о кино. Не вообще о кино, а о том фильме, при котором подвизался Лион Иванович. Бабушка и Стебельковы следили за тем, чтобы разговор никуда не сворачивал с этой «творческой» дорожки. Наконец капитану Коневу это надоело, и он заявил, что «такие фильмы» он терпеть не может.

– Какие? – вежливо и весело поинтересовался гость.

Капитан сказал, что любит фильмы настоящие. Гость попросил привести пример фильма, которые нравятся хозяину дома. Тот на секунду задумался.

– Вот «Героин». В «Заре» шел. – Капитан вспомнил, что замполит советовал сходить на эту картину, поскольку там отображены события на острове Даманский.

Лион Иванович радостно кивнул:

– Вы его уже видели?

– Я его еще не видел, но я люблю героические фильмы, а не ваши полонезы.

Гость притворно вздохнул:

– Мне кажется, что вам это кино не понравится. Это документальное кино.

– А это ты врешь! Героизм есть героизм, и без него армия никуда, с документами или без документов.

– Там, извините, о героине, а не о героизме.

– А это ты не болтай, героя как ни назови, он всегда герой.

Ну, и так далее. Молодые Стебельковы сбегали в свое время в кино и знали, о чем идет речь. Районные прокатчики, получив коробки с лентой, не разобрались, что там два фильма: один действительно о событиях на уссурийской границе, а второй – о страшном вреде, приносимом наркотиком героин. И на афишу вынесли самое звучное слово из написанных на коробках.

Стебельковы хихикали в кулак. Нина Семеновна была слишком занятая своей, не очень понятной тоской, тупо

смотрела по сторонам, у нее не было сил что-либо понимать. Виктория Владимировна вертела за талию свою рюмку, подняв правую бровь. Лион Иванович сохранял на лице полную серьезность, но Ларочке было понятно, что он издевается над ее отцом-офицером. Это нужно было срочно прекратить, и Ларочка опрокинула бокал с вином «Лидия» на бежевые штанишки говорливого «денди», но промазала, попала на подол бабушки. На нее она тоже была в данный момент сердита, хотя и в рамках общего почтения к ее грандиозности и величию.

Ларочка выбежала из-за стола, оставляя за собой неразбериху и причитания. Лучше скандал, чем зрелище агонизирующего отца. И унеслась злая в темноту на берег Чары. На мост, к которому ей запрещали приближаться.

Река была пятнистая и сияла как начищенная там, где ее не закрывали ивовые обвалы. Луна пересекалась двумя узкими облаками, разноцветными и двигавшимися с разной скоростью. На глинистом пяточке в камышах дергалось пламя костерка, там тоже было застолье.

Стоявшую на мосту девочку сразу заметили, что случилось на работе голосов, они сразу все чуть охрипли, и вокруг них возникла заговорщицкая аура.

– Эй, Лариска, иди сюда, хочешь вина?

Ларочка не сочла нужным отвечать, ей еще хотелось получить какие-то витамины от этой поразительной ночной кар-

тины, почти не испорченной пьяноватым костерком.

– Эй! – крикнули опять.

И из камышей вышел парень. Незнакомый, как сразу поняла Ларочка. Она не испугалась, хотя поняла, что в парне этом есть угроза. Непонятная, но точно есть. Он забрался на мост и двинулся к ней такой походкой, что даже в темноте можно было понять, что гнусно улыбается.

– Тебя ведь Лариса зовут?

– Да.

– Ну, это даже теплее. Пойдем. Там вино есть, поговорим. Луна. – Приблизившийся парень, видимо возбужденный рассказами о таинственном прошлом девы Ларочки, сделал почти мгновенное двойное движение, убил пару комаров на щеке и схватил третьеклассницу за руку: – Пошли!

– Не хочу. – просто и серьезно сказала Ларочка.

– Пошли, чего кобенишься. – И он сильно, грубо потянул.

Непонятно, что показалось Ларочке более отвратительным физическое хамство или это, в общем-то, общеупотребительное в здешних окрестностях слово. Она вдруг толкнула его с совсем не детской силой. И он от неожиданности перевалился спиной через перила и молча шлепнулся в реку.

Город Гродно от других белорусских городов отличался тем, что во время войны его и сдали наши немцам практически без боя, и получили обратно, не штурмуя, поэтому он сохранил большую часть своего исторического вида.

Приземистый замок Стефана Батория на правом, высоком берегу Немана, несколько частично действующих костелов, сеть узких улочек старинной застройки, с крохотными магазинчиками и ресторанчиками. Культурным центром города был Дом офицеров, двухэтажный особняк до такой степени увитый плющом, что напоминал лежащую овцу. В пристроенном у него в тылу концертном зале проходили главные гастрольные концерты, к нему же был прилеплен и специальный гимнастический зал для всемирно знаменитой гимнастки Ольги Корбут. Ларочка записалась сразу в пять кружков, имевшихся в Доме офицеров. Музыка, лепка, театральный, кулинарный, исторический и еще хор.

Училась она отлично, пересадка ее ученического организма из одной школьной почвы в другую (что иной раз ломает слабые характеры) прошла для нее безболезненно. Она умудрялась быть одновременно и формальным и неформальным лидером. Активно включалась во все официальные акции – макулатура, металлолом – и всегда оказывалась среди передовиков, при этом даже у самых закоренелых нефор-

малов не возникало желания отлупить ее после школы портфелями. И для них она оказывалась как бы своя. Когда пришло время вступать в пионеры, она не просто вступила, но скоро стала членом совета дружины с явными председательскими перспективами.

Каждое лето отправлялась Ларочка в пионерский лагерь. Детям обычно там не нравится, ей нравилось. Особенно во время праздников. Кутерьма, горн, ночные костры, песни в обнимку, слезы, восхищение наступающим будущим.

Лагерь «Румлево» располагался на огромном, густо поросшем соснами холме, изрытом кротами. Повседневная жизнь там была, конечно, вяловата. Пионервожатые крутили между собой полускрытые романы и почти открыто исповедовали портвейн. Пионеры, предоставленные сами себе, зевали в беседках, скучно глядя на одинокий волейбольный мяч, валявшийся под дырявой, провисшей почти до земли сеткой. Отдельные личности охотились за земляникой или бабочками. Ларочка им даже завидовала немного, их посвященности и увлеченности, но чувствовала отвращение к столь немасштабной работе.

Лагерь преображался в последние три дня каждой смены, когда начиналась подготовка к «Большой эстафете». Многоэтапное соревнование: прыжки, метание, плавание, шахматы, бег, волейбол, городки и все что только можно придумать. Причем суть замысла была в том, что соревновались не отряды, первый, второй, пятый, где победителя опреде-

ляло бы простое преимущество в возрасте, а «цветные» команды, «нарезанные» по кусочку из каждого отряда: «Красные», «синие», «желтые», «белые».

Ларочка каждый год и на все три смены становилась членом своего штаба, и всегда это были «красные». Она знала, как расставить людей. Лучше всех представляла, кто «у нее» прыгун, кто бегун, а кому лучше сесть за шахматную доску или согнуться в тире. Сначала с ней пытались спорить и ставить на место как девчонку, но она умела перекричать и настоять на своем, и, поскольку она всегда потом выигрывала и с большим отрывом, ее уже со второй смены делали начальником штаба.

Ларочка не могла бы объяснить, что с ней происходит, когда происходит это разделение на «своих» и «чужих». На «красных» и прочих. Важность победы для своих вдруг становилась для нее какой-то огромной, даже безусловной ценностью, и она на многое была готова. Да, на все. Почему-то с момента распределения ребят на команды, все «не красные» становились для нее совсем чужими, как бы выведенными из под действия общего дружеского закона. Не рассуждая, она готова была умереть за «красных». За своих.

Вот она – совершенно оформившаяся семиклассница. В обтягивающей майке и синих трениках, тоже все как надо обтягивающих, с двумя решительными хвостами на голове, быстрым зеленым взглядом, она, конечно, ощущала постоянно сочащееся в ее сторону мужское внимание. Завхоз и

шофер лагерьной продуктовой машины так те просто прицокивали языком при ее появлении и произносили уже почти недвусмысленные двусмысленности, но Ларочка воспринимала эти «знаки внимания» с редкостным хладнокровием. Не оскорблялась ханжески, мол, как им не стыдно. Расценивала как все же отличие, но не заслуживающее какой-то реакции.

Между тем ее быстрые зеленые глаза обречены были на ком-то остановиться. И только к третьему заезду «случилось». Уже с первого дня заезда она почувствовала, что стремится оказаться рядом с мальчиком по имени Женя. Чем-то особенно выделялся? Да, в общем-то, нет. Длинный, с чуть наклоненной вперед наивной головой. У него была кличка Лапоть, из-за походки. Нога выросла непропорционально быстро, как это случается сплошь и рядом, нужен был семикласснику сорок четвертый.

«Пойдем собирать одуванчики?»

«Пойдем!»

«Сыграем в настольный теннис?»

«Сыграем».

Он всегда соглашался на все, что она ему ни предлагала, и выполнял ровно столько, сколько от него требовалось данным соглашением.

Естественно, Ларочка ждала чего-то сверх. Пройдя свою часть пути, она интуитивно рассчитывала на продолжение, может быть, даже и не конкретизируя для себя, каким ему

быть. Целоваться они будут или что-то там еще... Женя остался неподвижен. Даже когда бродил по берегу реки, нырял или лупил ракеткой по пластмассовому мячику.

Ларочка досадовала, но не слишком, потому что таким своим поведением Женя ничего вроде бы не портил, возможность продолжения все время сохранялась, тем более что впереди расстилались почти бесконечные солнечные просторы лагерного августа.

И вот очередная эстафета.

Накануне старший пионервожатый Леонид с удивительной фамилией Желудок – ударение на последнем слоге – предложил Ларочке как начальнику штаба своей команды прогуляться вечером: «Надо обсудить, как все чтобы прошло завтра».

Ларочка сказала, что надо собрать всех начальников для такого дела. Сказала так не только из чувства справедливости, но и из любви к атмосфере штабных посиделок, когда ребята деловито покуривают, чертят какие-то схемы на столе, лихорадочно светит лампочка под потолком палатки, вершится лагерная история...

Леонид лениво объяснил, что с этими «оболтусами» он уже обмолвился, а с ней он бы хотел заняться отдельно, поскольку чувствует особую ответственность за ее «красных».

Ларочка согласилась, ради «своих» она была готова на многое. Ее не слишком смутило то, что местом важного раз-

говора была выбрана отдаленная беседка на берегу реки, а время – «после отбоя».

Светилось зеркало бесшумно бегущей воды, луна присутствовала за кронами сосен, комары то и дело вынуждали к неромантическим телодвижениям. Леонид начал издали и солидно. Сказал, что уже давно следит за Ларочкиной работой и видит в ней перспективный кадр, собирается продвинуть ее по рельсам интересной комсомольской работы. С этими словами он положил руку ей на левую часть лифчика. Начальница штаба «красных» осталась в полнейшей неподвижности. Она не могла решить, продолжается ли разговор о ее карьерных возможностях или это уже начался переход к чему-то другому.

Леонид, посчитав, что первый рубеж уже взят, решительно двинулся вглубь захваченного плацдарма. Он сказал, что есть мнение, что в будущем она, Лариса Конева, вполне могла бы стать старшей пионервожатой здесь в «Румлево», и его вторая рука опустилась на колено кандидатки.

– Ах, вот оно что, – сказала начальница штаба совершенно взрослым женским голосом.

– А ты как думала! – сбросил маску Леонид, даже радуясь тому, что разговор приобретает простой технический характер. Ты мне, я тебе. До него доходили слухи, что эта Ларочка – девушка с каким-то интересным прошлым. Ничего конкретного, но все же...

В этот раз она не стала заниматься рукоприкладством.

Просто резко встала всей мощью юного крепкого тела, отчего принявший уже не вполне устойчивое положение Желудок полетел со скамьи, да еще и под откос к реке.

Лариса молча развернулась и исчезла в ночи.

Леонид совсем не по-пионерски выматерился ей вслед, присовокупив обещание отомстить.

Сдерживать свое обещание он начал уже прямо назавтра. Выяснилось вдруг, что в лагерь не завезли красной материи, и Ларочкиному отряду пришлось выступать с черными повязками, и их все стали называть «похоронная команда». А еще была запущена, конечно же из штаба эстафеты, кличка для этой команды: «жеребята». Как ни странно, многих мальчишек это смутило. У одного срочно разболелся зуб, у второго – живот. У всех прочих потухли глаза. Команда, лишенная боевого духа, обречена на поражение.

Руки у Ларочки не опустились, даже наоборот. Она внутренне закипела и одновременно сцепила зубы, провела необходимую контрработу. Встряхнула каждого, объяснила, что это диверсия, и все потому, что «их», «черных», все боятся. «Мы назло им всем будем работать по-черному и победим!»

До некоторой степени ей удалось поднять дух своего войска. Она с особой тщательностью разработала систему расстановки людей на этапах. Лично дважды прошла всю длинную дистанцию, изучила особенности трассы и так далее. У нее родилось несколько хитрых придумок, как выиграть тут, как выгадать там.

Утро эстафеты выдалось свежее, яркое, громко звенел на весь лес динамик, прибитый к сосне, вились флаги, провисали транспаранты, лагерь был охвачен всеобщей боевитой

и бестолковой суетой.

Леонид не смотрел в сторону Ларисы. Она только затаенно усмехалась.

Старт.

Сначала бег в мешках.

Ларисины мешочки сработали неплохо. Недолгое лидерство.

Потом стрельба по надувным шарам из пневматических винтовок. Вперед выходят «синие» и «желтые», но «черные» рядом. Над ними пытаются смеяться в толпе зрителей, но в состоянии реального соревнования это производит обратный эффект, сплачивает «черную» команду.

Подтягивания на перекладине.

Специально подобранные и натасканные Ларочкой малыши-крепыши приносят кучу очков.

Перетягивание каната. Все команды с хохотом валятся на землю. Ничья.

Велосипедный слалом. Пятеро поцарапанных. Медсестра мечется с зеленкой и бинтами.

Лодочные гонки против течения. Безусловный победитель – течение.

Лариса с невозмутимым выражением лица перемещалась от одной арены к другой, отдавала короткие команды, поддерживала уставших, подбадривала сомневающихся.

Постепенно выявились два лидера: «желтые» и «черные», они довольно сильно оторвались в общем зачете от других

команд. Но лидировали все же «желтые». Лариса понимала, что сопернику подыгрывают, Леонид с послушной шайкой своих клеветов делает все, чтобы утопить «черных». И впереди оставалось самое главное соревнование – троеборье. Каждая команда выделяла по главному своему герою, и он должен был сразиться последовательно в лазании на скорость по канату, плавании и кроссе. По всем расчетам выходило – «черным» второе место. Слишком большой разрыв в очках. Пока все столпились у перекладины с канатами, Лариса Конева тихо скрылась в зарослях орешника.

У нее был план, как обернуть дело на пользу своей команде. Не совсем честный, но как тут можно говорить о честности, после всех этих «жеребят», судейских придинок и общего враждебного настроения Желудка и его банды. На войне как на войне.

Взлетев по канату, троеборец, обжигая ладони, соскальзывал вниз, мчался к запруде, где бросался в воду. Форсировав тридцатиметровую запруду, должен был тут же обуться и совершить пятисотметровый забег вокруг лагеря по пересеченной сосновыми корнями и усыпанной сосновыми шишками тропе.

Как выяснилось в последний момент, за лидеров, за «желтых», должен был финишировать Женя.

Лариса Конева, узнав о раскладе, на некоторое время пришла в замешательство. Села в сторонке, прижав ладони к щекам. Предстояло сделать выбор – любовь или победа?

Минуты через две выбор был сделан.

Лариса Конева выбралась из орешника как раз в том месте, где должен был начинаться беговой финальный этап. Там, на специальной широкой табуретке лежали уже четыре пары приготовленных кед, в них вставят свои мокрые ноги разгоряченные пловцы. У табуретки дежурила парочка перwokлашек, да и то очень невнимательно, потому что им хотелось посмотреть, «как там все».

Ларочка погладила их по нагретым солнцем головкам и совершенно незаметно изъяла пару длинных, сорок четвертого размера кед, предназначенных для Жени. И исчезла в орешнике.

С каким сердцем она делала это?

Кто может это знать!

Одно несомненно, когда лидер «желтых», не найдя подходящей обуви и не сумев немедленно подыскать подходящую замену, рванул босыми ногами по лесной тропе, она смотрела на это с каменным, мертвым выражением лица. А когда Женю, некрасиво приплясывающего на бесконечных шишках, шипящего от боли, стали обгонять не только «черные», но и все остальные, она закрыла глаза, и из-под век выкатилось несколько слезинок.

Объяснились они через пару недель, уже в городе. Объяснение состоялось у домика-музея Элизы Ожешко, потому что там всегда было пустынно. Лариса спросила у Жени, как он себя чувствует, не нужна ли ему помощь – у нее мама ра-

ботаает в госпитале. Женя чувствовал себя нормально, так, царапины, никакого госпиталя не нужно. Вот бы только найти того гада, который стащил кеды со скамейки.

– Это я сделала, – сказала Лариса, твердо глядя ему в глаза.

Он сразу понял, что она не шутит. Лариса объяснила, что по-другому поступить не могла после всего, что допустил этот негодяй Желудок. Она рассказала Жене все – и про беседку, и про подлые «клички» в адрес ее команды, и про судебские подтасовки.

– Разве я могла поступить по-другому в такой ситуации?

Женя совсем смешался под напором зеленого взгляда. Ситуация была до такой степени ему не по возрасту, что он отказывался что-либо понимать.

– Так ты хочешь меня обвинить? Иди доложи, доложи, и пусть они отменяют все результаты!

Какие результаты? Кто отменит? Эти вопросы не помещались у парня в голове, ему хотелось уйти. Он сделал невольно несколько шагов в сторону.

– Иди, иди, беги, беги!

Он пошел быстро в непонятном направлении.

– Только учти, я тоже молчать не стану!

Женя пошел быстрее.

5

Ларочка, согреваемая чувством исполненного долга, отправилась в парк. Там была назначена еще одна интересная встреча. Приехал в Гродно с концертной бригадой небезызвестный Лион Иванович. Афиша с его лоснящейся физиономией уже три дня висела в витрине Дома офицеров.

Конечно же он пожелал увидеть родственников своей старинной подруги и однокашницы Виктории Владимировны и в хорошем столичном стиле прислал им на дом билеты на концерт.

Несмотря на всю эту галантность, Коневы не пожелали принять столичного гостя у себя дома, договорились только о встрече в парковом кафе. Надо сказать, Лион Иванович не оскорбился, и вообще, он выглядел человеком, которого трудно обидеть и невозможно удивить.

Ларочка присоединилась к компании, как раз когда было подано мороженое и допита первая бутылка «Фетяски». Но напряжение и не думало спадать.

Увидев Ларочку, Лион Иванович вскочил со своего стула, чуть ли не опрокинув его, поцеловал «даме» ручку, что ей скорее понравилось, чем смутило, и пододвинул стул. Склонил голову на бок, демонстративно любуясь:

– Вы знаете, милочка, вы вылитая Виктория Владимировна. Вы-ли-та-я!

Капитан кашлянул.

Нина Семеновна стала нервно рыться в своей сумочке, но ничего не могла найти, потому что не знала, что ищет.

Лион Иванович вел себя так, словно ничего особенного не происходит.

– Знаете, – кивок в сторону родителей, – это вас, наверно, обидит чуть-чуть, но у меня такое впечатление, что Ларочка ваша, как бы это сказать, напрямую, что ли, родилась от Виктории Владимировны, хотя я понимаю всю бредовость этого соображения. Но что в нашей жизни не бред.

– Я очень люблю бабушку, – сказала Ларочка казенным голосом. Ей не нравилось, что она ничего не понимает в происходящем.

Нина Семеновна встала и, кисло скривившись, заметила, что им пора. Лион Иванович опять вскочил, пинаемый бесом галантности, и кинулся было к ручке капитанши, но у него ничего не вышло. Офицер хмуро ушел вслед за своей супругой.

Ларочка демонстративно осталась. Раз родители ей ничего не рассказывают, она имеет право узнавать сама.

– Хочешь мороженого? Или вина? – веселился Лион Иванович.

– Почему они ушли?

– Им, наверно, не понравилась новость, которую я им сообщил.

Ларочка отпила вина из бокала Нины Семеновны:

– Какую новость?

– На мой взгляд, интересную.

– Какую?

– Виктория Владимировна вышла замуж.

Ларочка осторожно, чтобы не подавиться, отняла бокал от губ.

– Вы зря смотрите так недоверчиво, дитя мое. Это правда.

– Я не ваше дитя.

– И слава богу.

– Продолжайте, – твердо сказала Лариса.

Артист посмотрел на комсомолку с некоторым удивлением, взгляд его говорил – однако!

– За кого она вышла?

– За лейтенанта, прошу прощения, старшего лейтенанта Стебелькова.

Лариса испытала сложное чувство, не во всех его деталях она могла разобраться. По крайней мере, в одном она была уверена, этот балбес Стебельков наказан за то, что смеялся тогда над пьяным папой.

После окончания школы Лариса Конева поступила на филологический факультет Гродненского пединститута. Почему именно туда? Ответить непросто. В городе были и другие высшие учебные заведения, которые могли бы претендовать на эту яркую студентку. Скорее всего, дело в том, что основное здание педагогического вуза очень внешне напоминало здание Дома офицеров, где Лариса провела такую насыщенную кружковую жизнь, оно было столько же радикально увито плющом, едва оставлявшим в своей толще небольшие просветы для окон.

Благодаря своему быстрому, схватывающему уму, училась Лариса легко, играючи. С первых же дней стала вгрызаться в общественные структуры нового мира. Выбрала сразу несколько направлений. Для начала явилась в комитет комсомола и потребовала, чтобы ей что-нибудь поручили. Ей поручили – она должна была вместе с учебной частью проследить за подготовкой своего потока к выезду на картошку, этот ежегодный карнавал единения города и деревни. Она включилась в прослеживание и хорошо себя показала на этом поприще. От нее никто не увильнул, никому не удалось тихо отлынить. Хитрости юных филологов – типа фальшивых справок – она раскусывала с легкостью: сказывался штабной пионерский опыт.

Будучи девушкой довольно крупной, с длинными руками, плотным торсом и крепкими бедрами, она тут же попала в поле зрения сборной института по гандболу и посетила несколько занятий. В те годы, когда не было еще ни женского бокса, ни женской борьбы, гандбол являлся единственным видом спорта, в котором спортивным девам позволялось общаться между собой по-мужски. Синяки, царапины, выбитые зубы были обычным делом не только на соревнованиях, но и во время тренировок. Несмотря на это, ряды гандбольных гренадерш не редели. И в спортзале института во время женских тренировок был слышен не только визг, но и порой боевое азартное рычание.

Привыкшая повсюду быть первой, Лариса крепко взялась за дело, тем более что физические данные позволяли. Но однажды, выходя на бросок в прыжке, она получила такой удар локтем в симпатичное личико, что грохнулась на пол без сознания. Она быстро в него вернулась, но уже совсем другим человеком. Рассматривая быстро расцветающий синяк под левым глазом, она не плакала, она соображала. Она решила, что грубый спорт, равно как грубый физический труд, это не ее стихия. Пострадав от гандбола, она почувствовала себя избавленной и от всех обязательств перед картошкой.

Она дождалась, пока раскраска лица примет наиболее жалобный вид, явилась в деканат и объявила, что общеинститутский картофельный месяц проведет в городе. Она и так столько сделала для мобилизации первокурсников и теперь

вот пострадала, от скверной организации тренировочного процесса. Пострадала – она сделала на этом упор, – в конце концов, за институт.

Ее не только поняли, хотя буквально каждый человек для картошки был на вес золота (громадный урожай 197... года, задание обкома, колхозы задыхаются от отсутствия рабочих рук), но и в дальнейшем ставили в пример ее преданность институту, доходящую до самозабвения.

Этот поход в деканат был замечателен еще одним моментом. Она столкнулась там с Леонидом Желудком. Он весело, по-приятельски с ней поздоровался, Лариса же чувствовала себя не в своей тарелке. Только что она была благодарна своему спортивному синяку, но при виде этого негодяя в хорошем югославском костюме она разозлилась на себя за то, что находится до такой степени не в форме. Не то чтобы она желала произвести на Леонида неотразимое впечатление, он был ей неприятен как человек, но она не могла не учитывать, что он мужчина.

Желудок пригласил заходить в гости – «По-простому, по-товарищески, работали же вместе», – правда, не сообщил куда именно. Ларочка позднее узнала, где он работает.

Гандбольное повреждение оказалось не совсем безобидным. Была повреждена какая-то маленькая мышца на левой щеке. Травма была совершенно незаметна, пока лицо Ларисы не выражало никаких чувств. Но стоило включить мимику, как во всякое движение лица вмешивалась едва заметная поправка. Улыбка получалась чуть иронической, удивление слегка высокомерным, неудовольствие малость свирепым, и все остальное – обида, восторг, скука – получало некую эмоциональную присадку. Любой собеседник невольно был вынужден разгадывать эту непреднамеренную психологическую игру, хотя за ней ничего реального не стояло. В это время Лариса спокойно добивалась того, что ей было нужно от этого разговора. Собеседник, как правило, соглашался на ее условия и даже чувствовал облегчение, когда она оставляла его в покое, получив свое. Со временем Лариса осознала и очень хорошо отточила технику мимического подавления, и поняла, что на мужчин она действует лучше, чем на женщин.

Все это выяснилось позже, а в те дни освобождения от картошки она заскучала. Выяснилось, что, оторвавшись от коллектива даже в выгодном для себя смысле, она не чувствует себя счастливой. Не дождавшись полного исчезновения синяка, она нацепила черные очки, купленные отцом во

время крымского отдыха, и пошла по городу на поиски общения.

В Доме офицеров был ремонт.

В институтском корпусе было пустынно. Старшекурсники заседали на своем третьем этаже, и в их круг было не втиснуться. Но попалась ей одна открытая дверь, в которую входили некие люди. Оказалось, что это литературный кружок. Помещение было заставлено шкафами с колбами и непонятными приборами, на стенах висели пачки географических карт и таблиц Менделеева. Портреты Льва Толстого и Тимирязева были прислонены к стене, рядом с охапкою старых, разномастных лыж. Пахло пылью, канифолью и непонятной неформальностью. Можно было при желании подумать, что сборище это чуточку запрещено. Здесь сошлись самодеятельные институтские поэты. Первое, что бдительно подумала Лариса: неужели они все тоже освобождены от картошки? неужели болезнь и поэзия так уж связаны?

Она быстро поняла, что не все здесь знакомы друг с другом, большинство – новички, и успокоилась. На ней, помимо очков, были совершенно новые польские джинсы, туфли на высоченной платформе, она, закинув ногу на ногу, демонстрировала собравшимся размер ее, как уровень своей независимости. Еще на ней была черная водолазка с узким горлом, что, как ей казалось, делало ее самой поэтической фигурой этого собрания.

Посреди склада учебного оборудования стояли свобод-

ным полукругом десятка полтора стульев. Сидящие держали на коленях кто тетрадку, свернутую в трубочку, кто стопочку листков машинописного текста. Завсегдатаи громко, по-хозяйски переговаривались. Новички бросали по сторонам затравленные взгляды.

Когда порядок почти установился, возник руководитель. Он вошел, мягко улыбаясь, в сопровождении двух льнущих к его власти поэтесс. Терпеливо кивнул им несколько раз, дослушивая их угодливый лепет, и отослал в общие ряды.

Лариса направила на него свой невольно inferнальный взор. Потом уже она узнала, что это Владимир Владимирович Либор, выпускник столичного (Минского) института культуры, руководитель здешнего ВИА, чуть ли не лучшего в городе, и по совместительству руководитель литкружка. Он был умеренно росл, гармонично кудряв, обаятелен и одет вызывающе не по-жлобски: фланелевые брюки, мягкий пуловер, мокасины. Лариса с содроганием вспомнила костюм преподавателя истмата, лоснящийся от многократного применения, так же как и терминология его науки, и всмотрелась в руководителя с усиленным интересом.

Он поздравил всех с началом нового сезона. Поприветствовал старых своих студийцев, улыбнулся новым и выразил надежду, что они порадуют «всех нас» талантливыми стихами.

Лариса пыталась понять, обратил он внимание на нее или нет. Делает вид, что нет. Явная игра. Она выделяется среди

этих озабоченных непонятно чем девчушек с блокнотами, как черный лебедь в стае серых уток. Тут даже селезни серы.

Владимир Владимирович продолжал говорить, кажется, шутил, ему отвечали понимающим смехом. Поэтессы, те, что из свиты, и еще две другие, возбужденно грызли изнутри губы и раздували ноздри и глуповато улыбались, их возбуждало лениво-интеллигентное говорение руководителя. Лариса рассмотрела каждую из них, и даже сквозь затемненные стекла определила – не соперницы.

– Ну, что же, коллеги, давайте познакомимся с нашими новыми... м-м, коллегами.

Лариса напряглась. Сейчас придется вставать, в сидячем положении она чувствовала себя на высоте, а вот стоя... Во-первых, поза! Нагловатю отставить богатую туфлю и предъ-явить бедро во всей красе или отвечать по-школьному, вытянувшись во весь гордый рост, со сжатыми коленками? По-правлять ли водолазку, она всегда чуть собирается на животе, или лучше позволить себе эту небрежность?

Тем, что у нее нет с собой никаких тетрадок ни с какими стихами, она не была смущена нисколько. Спросят, сплетется само собой какое-нибудь объяснение.

Новички вставали по очереди, представлялись. Кто-то бормотал под нос два слова и садился, кто-то «преподносил себя» оригинальным речевым поворотом, а то и четверости-шием.

Лариса тут же клеила им клички. Девушка в круглых очках

и двумя огромными передними резцами, которые не укрыть даже специальным усилием верхней губы, – Заяц. Две тихо восторженные в адрес руководителя подружки – Лисички. Чтобы не продолжать лесную линию, хлопца с широким, в непонятных шрамах лицом, она назвала Ромштеком.

Встал приземистый, в черном свитере парень-мужчина. Из выреза торчала бледная шея с большой квадратной головой, похожей на совиную. Большие, круглые глаза, белые круги вокруг глаз. Он сказал, что работает на стройке, но что для него стихи «это очень серьезно», и почувствовался укор в адрес остальных, как бы заподозренных, что их сочинения – баловство.

Прораб, – сказала себе Лариса и отвернулась. Ей казалось, что он в каком-то смысле ее передразнивает – бледные круги вокруг глаз, как будто недавно тоже носил черные очки.

Владимир Владимирович был любезен с каждым, могло показаться, что он просто осчастливлен явлением нового таланта. Даже если он не из недр пединститута, а со стройки.

Лариса была довольна тем, как она встала, ее взбодрило явное неодобрение со стороны Лисичек, они своим животным нюхом сразу учуяли большую опасность для себя со стороны загадочной дылды с драпированным взглядом. Владимир Владимирович и ей уделил порцию своей любезности, как и всем, но Лариса была убеждена, что улыбка и мягкая речь, обращенные к ней, имели отдельный, специальный характер. Интересуетесь поэзией? Оставайтесь.

После представления должно было начаться настоящее знакомство. То есть чтение стихов. С немедленным их разоблачением путем перекрестной и безжалостной оценки. Тут уж было не до любезностей. Ларисе эта процедура показалась очень странной. Было видно, что каждый куплетист выставляет на всеобщее глумление что-то очень заветное и очень страдает, когда ему говорят гадости об этом заветном. Все равно что если бы на собрании самураев все по очереди вспарывали себе животы, а собравшиеся копались в вывернутых внутренностях, порицая ненормальный их размер, ощупывая скользкие от крови рифмы. Впрочем, Ларисе не могло прийти в голову это сравнение – она мало знала о нравах самураев.

Пожалуй, только один смысл был в этом авторском все терпении – каждый в свою очередь, превращался из жертвы в палача. И уж тут отыгрывался по полной.

Девушка Заяц после знакомства с братьями по цеху сидела в обморочном состоянии, зажмурился за толстыми стеклами испуганные глаза. Ромштекс превратился в бифштекс с кровью и шумно, мстительно дышал.

Лисички были из завсегдатаев, они схитрили, сказав, что отдали уже стихи прямо Владимиру Владимировичу, потому что их «надо читать глазами».

Руководитель кивнул, чем вызвал укол ревности в Ларисе. Оказывается, у этих шустрых сучек есть связь с красавцем в пуловере, которой она сама никогда не сможет воспользо-

ваться. Она не успела углубиться в эту неприятную тему – встал Прораб.

Он стал читать не сразу, он обвел присутствующих тяжелым, как бы предупреждающим взглядом. Ему было лет двадцать пять, он по возрасту мало уступал самому руководителю, и по движениям его было видно, что на плечах его квадратной фигуры осел уже немалый жизненный опыт. Он тут же подтвердил это впечатление. Голосом негромким, но напряженным, готовым вот-вот прерваться, он поведал, что стихи, которые он сейчас прочтет, это не просто стихи.

– То есть? – вежливо поинтересовался Владимир Владимирович.

Прораб сказал, что «они» плод «тяжелых и страшных раздумий», ибо совсем недавно он, Валерий Принеманский, «осиротел».

– У вас умерли родители?

Прораб едва заметно, но совершенно презрительно улыбнулся в ответ на это замечание предельно благополучного в этой жизни руководителя:

– У меня погибли жена и дочь при родах месяц назад. От потери крови. Я потерял все, что у меня было.

Владимир Владимирович понимающе покачал головой, но был в его участии все же какой-то формализм, что-то царапнуло в одном из неведомых изгибов души Ларисы, ей самой до сих пор неведомых. Прораб подвергался невыносимо вежливой экзекуции, как капитан Конев в разговоре о кино.

– Я прочту стихи. Прошу учесть то, что я сказал. – Надо было понимать, что никакой не может быть критики при таком деле. Еще не запеклась рана.

В душе Ларисы опять что-то царапнуло. И опять как-то по-новому.

Прораб стоял довольно далеко от нее. Ларисе захотелось снять очки и рассмотреть несчастного, она вовремя спохватилась и лишь поправила их. С удивлением обнаружила, что сидящие вокруг кривят губы и морщат носы. Между рядами проползло никому конкретно не принадлежащее, противное, какое-то голое слово – «мудила». Лариса конечно же сразу поняла, к кому оно относится. Она уже сама была готова для себя решить, что не стоило бы Прорабу выставляться с таким кровопролитным предисловием. Даже как-то неловко за нелепо разоблачившегося человека. Но всеобщая ироническая реакция показалась ей несправедливо жестокой. И она начала усиливаться, когда Валерий Принеманский стал произносить свои трагические строки. Ларисе было непонятно, почему все так совокупно брезгливы в его адрес. То есть понятно, человек вышел за рамки принятых здесь норм поведения, но как же ему быть, если у него в жизни случилось такое?! Стихи его... нет, она не могла определить, насколько они хороши или плохи. Они, в общем, были похожи на то, что читалось до этого. По звуку, по словам, но они резко отличались от всех остальных тем, что за ними стояла подлинная боль. У них у всех этого не было, а у него было,

и поэтому они отторгают его, весь этот самодовольный «зверинец» – «зайцы», «лисы»...

Закончив чтение, Прораб сел, и стало заметно, что он сидит теперь более отдельно, чем до этого. Вокруг него возник некий вакуум. И он сидел, независимо закинув ногу на ногу, с непроницаемым лицом, со своим высказанным, но не понятым страданием.

Владимир Владимирович совершил ошибку. Ему следовало бы просто двинуться дальше по поэтическим рядам, поднять еще одного новичка, но он счел необходимым сказать несколько слов в адрес только что услышанного. Конечно, мягких, конечно, ободряющих, но это вызвало на лицах студийцев отвратительно понимающие улыбочки. Они «понимали» друг друга – душка-руководитель и его секта. Они были благополучно вместе, а Прораб был трагически один. Да еще с мертвой женой и дочкой.

Когда все закончилось и Прораб ушел, явно решив, что он здесь чужой, Лариса боялась, что начнется вроде вакханалии в его адрес. Наверняка каждый захочет пнуть вдогонку проклятого поэта. Лариса отлично понимала почему так. На фоне его грандиозного конфуза тихая бездарность любого из них скрадывалась, они становились ближе к норме, к какому-то пристойному уровню, как было упустить такую возможность.

Ничего подобного не произошло, все только пожимали плечами и тихо обменивались фразами на самые разные те-

мы, вроде бы и не касающиеся Прораба, но Ларисе казалось, что тем самым они еще злее, еще окончательнее втоптывают его в грязь. Притворное великодушие, наигранное желание «понять» «прораба» это еще отвратительнее, чем прямое глумление.

Владимир Владимирович, конечно, тоже не опустился до трусливых остроумств вслед изгнаннику, он только улыбался своей улыбкой, которая стала Ларисе отвратительна. Он грустно сказал:

– Я думаю, этот молодой человек у нас больше не появится, коллеги.

Лариса встала, уже, кстати, не думая, в каком состоянии ее джинсы и водолазка, и решительно направилась к выходу. Тут Владимир Владимирович обратил на нее внезапное внимание:

– Да, коллега, мы же вас-то так и не выслушали. Пожалуй, в следующий раз, да?

– Это вы калека, а не я, а я-то у вас больше тут точно уж не появлюсь.

Ей было плевать, какое она произвела впечатление на эту публику. Конечно, дурнушки из «гарема» рады, что избавились от конкурентки, а о том, что творится в кудрявой голове самого Владимира Владимировича, ей и вообще не хотелось думать. Не говоря уж о прочих бездарях.

И еще раз задалась вопросом – почему это вся эта толпа тут поэтически бездельничает, когда весь народ в поле?!

Она пошла в деканат. Там ее выслушали. Поблагодарили за сигнал. Обещали разобраться. Она сказала, что проверит, каковы будут результаты разбирательства.

Вторая встреча с Прорабом произошла непреднамеренно и внезапно, и, что любопытно, на том же самом месте, где у Ларисы в свое время состоялось историческое объяснение с Женей. Она стояла на остановке, поджидая автобус, когда вдруг услышала сзади стук яростно закрываемой двери и звуки неприятного нервного голоса, что были волнующе знакомы. Обернулась. Он, то есть Прораб, шел «сквозь ветер мира», пытаясь намотать на бледную, беззащитную шею развевающийся шарф и размахивая, как огромной ладонью, канцелярской папкой. Он только что покинул голубенький домик-музей пани Ожешко, где по совместительству располагалось правление Гродненской писательской организации.

Судя по всему, его там поняли ничуть не больше, чем на недавнем семинаре, и он был очень возбужден по этому поводу.

– Здравствуйте, – кинулась к нему Лариса.

Он посмотрел на нее взбешенным и одновременно несчастным взором. Но она была в себе уверена, в этом новом сером пальто и итальянских сапожках, она не могла слишком долго оставаться неуместным объектом в восприятии даже очень раздраженного мужчины. Она чувствовала в себе способность немедленно начать приносить психологическую пользу, какого бы размера ни была душевная рана, полученная сейчас этим человеком.

Поэт остановился.

Лариса улыбнулась.

Он сказал:

– И что с того, что он ходил через государственную границу, в Белосток, чтобы добыть документы в контрразведке, что он не предатель! Пусть он герой, но уже давно не война!

– Конечно, – сказала Лариса.

Ей понравилось, что голос у проклятого поэта немного изменился. Он приобрел трагическую хрипловатость, отчего в нем прибавилось мужественности, но усилилось и опасение, что прервется навсегда. А с этим голосом погибнет, возможно, и сам человек.

– Ты кто?

Трудно найти подходящий и короткий ответ на этот во-

прос.

– Я слышала ваши стихи.

Он наконец укротил свой развевающийся, как свободная мысль, шарф:

– А-а... ну пошли.

Вокзальный ресторан, абсолютно пустой в этот час. Фигуры в кадках, зевающие официантки в наколках. В углу небольшая барная стойка. Поварихи гремят противнями где-то на кухне. Ларисе понравилось, что поэт не стал пить водку, как сослуживцы отца, или того хуже – крепленое вино, которое предпочитали ее однокурсники. Пятьдесят граммов коньяка и конфетку. Девушке – сок.

– Абсента у вас нет? – спросил он у бармена.

Тот с достоинством улыбнулся и поправил бабочку:

– Прошу прощения, вы меня уже спрашивали. Вчера.

Выпил полрюмки и откусил четверть конфетки, из чего Лариса сделала вывод, что рюмка будет не одна. Видимо, велико огорчение этого поэтического сердца.

– Так ты кто? Ах, да. А кто я – знаешь?

Лариса замялась. Ей было что ответить на этот вопрос, но она понимала, что, если она все назовет своими именами – вы гонимый, никем не понятый, ни на кого не похожий человек, – она как бы сразу сдастся в плен ему, выложит весь свой запас и ресурс. Ведь неизвестно, пришло ли уже время для таких откровений и чем это может для нее обернуться.

Прораб спросил вторую рюмку и выпил ее, внимательно

глядя на свою неожиданную знакомую. У него был странный взгляд. Бледность вокруг глаз придавала его взгляду и чуть-чуть нездоровый, и вместе с тем породистый характер. Лариса опять подумала, что он долго носил черные очки во время солнечной погоды, и вспомнила о своем синяке и о своих черных очках. Не может же это быть совсем случайным.

– Вы гонимый, никем не понятый, ни на кого не похожий человек! – произнесла она со значительно большей серьезностью и силой, чем это было у нее в мыслях.

Поэт даже не стал откусывать от конфетки и сразу потребовал третью рюмку.

Но тут вмешался бармен в бабочке и сказал, что больше в долг он отпускать не может.

Поэт иронически усмехнулся, не в адрес работника торговли, а в адрес своей непутевой судьбы. И тут вырвался из сумочки кошелек Ларисы, готовый на все ради третьей рюмки для огорченной души.

Прораб покровительственно усмехнулся и отверг жертву. Сказать по правде, Ларисе было бы не очень приятно, воспользуйся он ее стипендией, но она сочла бы – этот поступок в рамках романтических правил, по которым живут гонимые и отвергнутые. Но то, что поэт не воспользовался ее кошельком, оказалось еще более неприятно, хотя и как-то по-другому. Получалось, что он ее куда-то не впустил. Как же так, она уже совсем готова была возглавить движение за понимание его как личности и художника, а он воздвигает

стену вульгарной вежливости.

– Пойдемте отсюда, Киса. Мы чужие на этом празднике жизни.

Она не поняла, что он этой фразой вплел ее в пошлый литературный контекст. Она не была подвержена общеинтеллигентской моде тех лет на Ильфа и Петрова, она была девица классической ковки. Бедная Лиза, бедная Татьяна, бедная Наташа – вот это была ее компания. Но она почувствовала женским чутьем, которое сильнее литературного, что ее уже что-то связывает с этим замечательным человеком. И дело не в пошлом факте – он назвал ее Кисой, то есть ласково. Нет, тут другое. Какое? пока не ясно.

В тот день они расстались.

Даже не договорившись встретиться вновь.

Договариваться должен был «он», а он не стал почему-то. Если бы Лариса знала заранее, что поэт не озаботится этим вопросом, она бы взяла инициативу на себя.

Она потом себя казнила – дура! Что было цепляться за остатки девичьей кичливости. Ах, я не такая, я жду, когда меня засватают. Он выпил, он задумался, взнуждан был внезапной музой, чего от него ждать рациональных решений!

Все придется делать самой.

Гродно был город хоть и областной, но небольшой, тысячу жителей. Но чтобы найти нужного человека пришлось потрудиться.

Одно время Лариса просто бродила в районе тех мест, где

она виделась с ним прежде. Но эта тактика результата не принесла. Закончилась осень, полетел снег; испугавшись, что он занесет все следы, Лариса пошла по людям.

Бармен вежливо ей улыбнулся, но не обнадежил. «Пан поэт», оказывается, не навещал его заведение уже с неделю. Посещение было неприятным, бармен несколько раз поправил свою опереточную бабочку и своим тоном дал понять, что догадывается, отчего это столь «пенькная молодая пани» занялась такими странными разысканиями. Он думает, этот старый дурень, что «он» меня соблазнил и я теперь за «ним» гоняюсь?! Влепить, что ли, ему по физиономии, нет, для этого все же не набиралось достаточных оснований. Но ответить было надо. Обязательно. Лариса, глядя в упор на коньячного работника, спросила, сколько задолжал «пан поэт» за выпитое. Обычно ведь брошенные женщины ловят алиментщиков, а здесь фигура обратного свойства.

Бармен расплылся в улыбке и сказал, что ради такой милостивой и обаятельной пани он списывает все счета упомянутого господина.

– Вы меня понимаете, пани Лара? – наклонился со значением он вперед.

И тут уж Лариса дала ему давно копившуюся в ладони пощечину. Официантки сделали вид, что продолжают дремать, рухнув на сложенные руки, только плечи у них подозрительно двигались.

Первую минуту после оставления омерзительного ресто-

рана она думала, что с делом этим покончено и она больше никогда не пойдет на такие унижения, которые ей пришлось перенести из-за неуловимого «пана». Но, пройдя всего шагов двести по центральной улочке города, миновав родной Дом офицеров, она заметила слева от себя голубоватое здание. О, роковое место, никак его не миновать оскорбленной душе.

Ее принял подозрительный, очкастый человек в сером, явно довоенного покроя костюме. Видимо, хозяин до такой степени мало напрягал своим телом его (костюм), что он выглядел вызывающе новым, даже, можно сказать, свежим. Сам хозяин был сух, как саксаул, а по его повадкам чувствовалось, что он постоянно живет в состоянии готовности к команде: «На выход с вещами!» А между тем был человеком феноменальной личной смелости. Но это на войне. Современная жизнь казалась ему куда более заминированной, чем та, реально подрывная и диверсионная.

Глава гродненских литераторов очень долго обнюхивал прямой вопрос Ларисы о поэте Принеманском, не понимая, в чем здесь провокация. Да, он помнил этого странного субъекта с квадратной фигурой, хриплым дискантом и ни на что не похожими виршами, но не был уверен, что разумно вот так сразу в этом сознаться.

Кто эта особа? Он потребовал у нее документы, и они у нее оказались. С какой стороны подкуп? В городе, он знал, существует не менее десятка людей, в разной степени заня-

тых опасным делом – попыткой написать подлинную историю белорусского партизанского движения. И это было его главной, иррациональной тревогой. А тут является ни с того ни с сего смазливая девица с требованием дать ей координаты одного сумасшедшего сочинителя стихов!

Как это между собой связано?!

Подозрительная, очень подозрительная история!

Лариса нервничала, ситуация ей представлялась еще более неприятной, чем та в вокзальном баре. Что этот дяденька увиливает? Наконец у нее что-то мелькнуло в сознании и вырвалась фраза:

– Я член студкома.

– Чего? – выпучил глаза хозяин кабинета.

– Студкома курса.

Партизан опал в кресле. Потом быстрым движением выдвинул ящик стола, сунул туда чистый лист бумаги, что лежал перед ним, закрыл ящик и заявил самым решительным тоном, что он должен уйти.

Лариса так и не поняла, что произошло. Удивленно пожаловалась отцу, вот, мол, какие странные люди бывают. Он вздохнул и объяснил: эхо войны. «Стояли мы под Лидой, года три назад, что ли, на учениях, зашли в дом, хозяин нам сала пожарил, самогону бутылку, а я у него спрашиваю после двух стопочек больших, правда: а как, говорю, дед, полицаи есть мол, в деревне? Ну, глупая такая шутка. Наши хохочут, а он так палец к губам, подошел к окошку и занавесочку за-

дернул».

– Тут, у белорусов, с этим серьезно.

Задумываться над этим рассказом Лариса не стала. Как офицерская дочь, жительница военных городков, она обитала в сфере имперского, московского подчинения и аборигенские бредни позволяла себе игнорировать. Язык она ставила себе «по телевизору», и очень часто ощущала, что говорит совсем не на том наречии, что окружающая масса. И чувствовала от этого свое превосходство. При этом она замечала, что русский язык собеседника тем «телевизионнее», чем собеседник ближе к верхам общества. С удалением же в глубинку, в сторону от асфальта, в картофельную супесь, в самогонные сумерки, речь населения становится все более невразумительной, до комизма.

А «пана Принеманского» она нашла.

Тогда в центре городов вывешивали доски антипчета. Кто-то напился, наскандалил.

И вот на одном таком стенде у стадиона она заметила узнаваемую физиономию. Кстати, фотография была вполне приличная, «пан поэт» выглядел на помещенном снимке фигурой скорее несчастной, чем отвратной. Сопутствовавшая подпись: «туняец, дебошир и т. п.» – нисколько не выходила за рамки уже создавшегося в ее сознании образа страдальца. Единственное, что смущало, он именовался там не поэтом Принеманским, а сварщиком Перковым. Принеманский – псевдоним, догадалась Лариса. Красивый.

В милиции легко, без глупых вопросов и сальных намеков выдали адрес сварщика Перкова.

Общежитие строителей азотно-тукового комбината. Лариса смутно представляла себе, что на окраинах старинного города происходит вколачивание в землю огромных государственных средств с целью возведения там огромного завода по производству минеральных каких-то удобрений.

На секунду она смутилась. Ей предстояло покинуть ухоженную, вымощенную гладким булыжником территорию и отправиться в дикие места огромных котлованов, ревущих тракторов, пыльных самосвалов, мужчин в промасленной одежде с папиросами и сомнительными комплиментами в

зубах.

Но разве это препятствия для настоящего женского характера? От конечной остановки третьего троллейбуса до того самого общежития она отправилась по обочине грузовой трассы, преодолевая искусственную, поднятую машинами метель.

Вахтерша, с ужасом оглядев ее дубленку и прическу, назвала номер комнаты. Лариса демонстративно уверенным шагом поднялась на третий этаж. Разумеется, «его» комната была в самом конце коридора, можно сказать на отшибе, ее окно выходило не в фасад, а в торец здания. «Он» и здесь, в толпе работяг, умудрялся поддерживать состояние относительного одиночества.

Пальцы тряслись, это надо было признать, и тогда Лариса сжала их в кулак, чтобы унять дрожь, и постучала в дверь кулаком. Звук получился тяжелый, напористый, можно сказать, властный.

Дверь была поцарапана, а замок раз пять отремонтирован, из чего Лариса заключила, что «к нему» часто вламываются в жилище. Может быть, и женщины. Почему-то и этот вывод пошел в плюс поэту.

Перков открыл. Он был гол по пояс, в трениках и тапочках. У него было удивительно белое тело, такого же цвета, как кожа вокруг глаз. Оказывается, только лицо темнеет от жестокого сварочного труда и непонимания окружающих.

– Я думал это комендант, – объяснил он, хотя ситуация в

объяснениях с его стороны не нуждалась.

– Можно войти? – с вызовом спросила Лариса.

Комната была крохотная, как купе проводника. Но чистая, никаких тебе сушащихся портянок и разбросанных отбойных молотков. Имелась на стене полка, настолько провисшая под тяжестью книг, что это наводило на мысль о какой-то беременности.

– Садись.

Из мест для этого подходящих имелись только табурет и узкая, примятая кровать. Нет, кровать – это было бы слишком для самого начала, решила Лариса, и села на табурет. Рядом с ним на тумбочке стояла удивительная вещь – пишущая машинка. Своим черным, технически выпреним обликом она выделялась среди прочих местных вещей, как породистая иностранка. Ларисе захотелось представиться ей, как матери поэта.

– Меня хотят выгнать, – продолжал что-то объяснять Перков, хотя нужды в его объяснениях не стало больше. – Сначала уволили со стройки. Теперь, говорят, освобождай помещение.

В его голосе слышалось ироническое возмущение. И в самом деле, с какой это стати выгонять из рабочего общежития человека, которого уволили с работы за прогулы и пьянство.

– Обещали, что придут с милицией. – Поэт развел руками, показывая, что он прощает миру его абсурдность. Он уже надел рубашку, и, чем больше пуговиц он на ней застегивал,

тем больше в нем появлялось интеллигентности.

Лариса открыла сумочку, защищавшую колени, и достала оттуда бутылку коньяку, украденную из отцовского бара. Почему коньяк? Она хотела протянуть ниточку связи к тем трем вокзальным рюмкам, показать, что у их отношений есть история.

Перков повел себя блестяще, он не застыл в идиотском обалдении как природный сварщик. Не расплылся в самодовольной улыбке польщенного самца. Он просто взял бутылку из рук дамы, потому что ей там не место, вынул из тумбочки два по-разному элегантных, хотя и не коньячных бокала, изящно надломленное песочное пирожное на блюде и сервировал уютное застолье.

– Я бы ушел, но куда я со всем этим? – махнул Перков в сторону книжной полки с таким видом, будто он герцог, выселяемый из замка со всеми канделябрами.

Коньяк солидно наливался в бокалы, как будто понимал, сколько в нем заключено роскоши человеческого общения. Ларисе хотелось пить, и она думала о коньяке только как о напитке.

– Что обидно, это ведь не в первый раз. По тем же причинам я должен был уехать из Ошмян. Родной город словно выплюнул меня. Теперь снова на улицу. В ночь, в метель, вот как он. – Перков ткнул пальцем в фотографию кудлатого мужика с высоченным лбом и бантом на шее.

Лариса из поэтов могла узнать по внешности только Есе-

нина и Пушкина, поэтому промолчала.

Хозяин купе поднял бокал, поправил цветок в вазочке, что стояла на подоконнике (Ларису очень тронул тот факт: зима, общага и тюльпан!), и предложил:

– Выпьем!

Обожгло небо. Жажда только усилилась.

– Тебя как зовут-то!

– Ларочка, – сказала гостя неожиданно жалобным голосом. Имя прозвучало не только испуганно по тону, но и игриво по форме, и сварочный поэт отчетливо ощутил, что с этого момента он не атакуемая непонятной силой сторона, но, наоборот, фигура, могущая атаковать, да и наверняка с большими шансами на успех.

Сварщик быстро налил себе еще граммов восемьдесят, выпил не чокаясь, привстав, ткнул пальцем в выключатель. И начал быстро расстегивать рубашку, которую перед этим так тщательно застегивал.

По правилам хорошего литературного тона здесь следовало бы опустить занавес, ибо дальше, как ни крути, ничего, кроме более-менее банальной физиологии, ждать не приходится.

Но только не в истории с Ларисой.

Спустя несколько минут, после совершенных стандартных усилий, пыhtений и тому подобного, обескураженный и вспотевший сварщик сел на кровати. Лариса лежала тихо,

горизонтально, силясь понять – это все, или проведены лишь подготовительные работы?

– Я закурю? – спросил поэт, и она уловила в его тоне нотки смятения. Если бы все было нормально, он бы не стал просить разрешения.

Спрашивая себя, достаточно ли она сделала для того, чтобы ее нельзя было в чем-то упрекнуть, она честно отвечала себе – все! Так в чем же дело?

– Послушай, ты ведь студентка?

– Я член студкома, – сказала Лариса и тут же пожалела об этом, вспомнив, к какому результату привело это заявление в кабинете бывшего партизана.

Сварщик интересовался, конечно, не ее статусом, а ее возрастом.

– Такое впечатление, что ты еще... послушай, надо предупреждать! Ладно, я еще немного тресну...

Вторая попытка принесла тот же неудовлетворительный результат. В состоянии, близком к панике, поэт начал одеваться.

– Ты лежи, лежи, я пока покурю.

Когда он выскочил из «купе», Лариса попыталась разобраться в том, что произошло. Она была достаточно нормальным человеком, чтобы не впасть во внезапную ненависть к своей девственности, но вместе с тем не могла не признать, что своей преувеличенной для столь зрелого возраста физической полноценностью нанесла болезненный

укол в самолюбие человека, которому ей хотелось бы делать только хорошее и полезное. В самолюбие, которое и так принимает от мира одни только болезненные удары, несправедливости и насмешки.

Встать, одеться и уйти?!

Нет, невозможно!

Ей мешала русская литература. За все школьные годы Лариса усвоила из классики две цитаты, но зато насмерть. «Кто там в малиновом берете», что трактовалось ею как «одевайся всегда очень хорошо, даже, если угодно, вызывающе», и «я другому отдана, и буду век ему верна». «Другому» значит не себе, а кому-то, в данный момент трагическому поэту. А «век ему верна» означало, что буду тут лежать голая и нелепая, пусть даже до следующего утра, пока не будет сделано все так, как надо!

Прошло с полчаса. За это время можно было выкурить полпачки сигарет.

Страшно хотелось пить.

Однако надо было хотя бы в самых общих чертах разведать, что это такое – потеря девственности. Мать, родная мамочка работает, как-никак, в госпитале, пусть там в основном вояки, но должна же она знать хотя бы не как сестра-хозяйка, а как женщина, что это такое... Чертов характер, отсутствие близких подружек иногда оборачивается неприятной стороной. Вообще-то, рассуждала Лариса, из самых общих соображений надо было быть готовой ко всему. Она

вдруг вспомнила рассказ матери о том, как та рожала ее, Ларочку. «Сутки на столе», ужас, а в конце концов – кесарево сечение.

Строго говоря, почему это первый постельный опыт должен быть намного легче, чем первые роды?!

Кесарево сечение! До Ларисы вдруг дошло, что это за медицинское мероприятие, и она облилась потом, несмотря на всю свою жажду.

Может быть, все же удрать?

Но тут же вспомнилось, что раньше крестьянки рожали прямо в бороне... или борозде, все равно. Можно себе представить, с какой легкостью у них происходило обретение женственности.

Нет, жажда становилась невыносимой.

Лариса дотянулась до вазочки с тюльпаном и отпила из нее слезавшейся, пластмассовой по вкусу воды. Цветок оказался искусственным.

Это почему-то обидело!

А он все не идет!

Вообще, чем он там занимается?!

Уйти?!

Нет, отдалась так отдалась!

Сварщик вошел в темную комнату с каким-то рюкзаком в руке и застал свою гостью одетой, сидящей на стуле на фоне голого заснеженного окна. Несколько секунд они молчали.

Перков положил маленькую, жалкую свою торбу на кровать, не выпуская из руки; там что-то грекнуло-звякнуло.

– Что это, закуска?

Сварщик совсем растерялся. Он был готов только к двум вариантам развития событий. Объект лежит готовый ко всему под одеялом, желательно с зажмуренными глазами. Или объект исчез, не вынеся пытки бесконечным перекурором. Не зная, что сказать, он задал глупый вопрос:

– Ты встала?

– Да, – ответила Лариса и решительно встала со стула, игриво пробежав пальцами по клавиатуре «ундервуда». – Помоги мне одеться.

Не выпуская из левой руки своего рюкзака, в котором была собрана на этот момент вся скорбь мира, он другой рукой схватил за ворот дубленку гостьи и начал ритуал ухаживания за дамой, превратившийся в какую-то медвежью пляску.

Лариса вытерпела и эту неожиданную неловкость, – она гармонировала с общим обликом этого житейского оболтуса, – и, категорически застегнувшись, сказала:

– Не волнуйся, тебя никто отсюда не выселит. А если выселят, жить можно и у нас. – Сказала безапелляционным тоном. – И не надо меня провожать.

Он и не хотел ее провожать. Положил рюкзак в тумбочку, выпил вслед ушедшей деве полфужера коньяку. Чувствовал, что начинаются какие-то новые времена, и не мог понять, рад ли он этому.

Обнаружив пропажу «Ахтамара», капитан Конев все понял. И встретил дочь вопросом:

– Кто он?

Чувствуя по тону вопроса, что он не будет доволен никаким ответом, Лариса ничего не стала объяснять. Просто проследовала в свою комнату. Отца она любила и не боялась. Относилась к нему лучше, чем к какому бы то ни было другому мужчине, но слишком точно знала схему его устройства: попытит и смирится.

Не сегодня, так послезавтра.

Утром она оставила на видном месте свою зачетку – она отливала пятерочным сиянием, а рядом лежал красиво упакованный галстук, с открыткой, пояснявшей – «С первой повышенной».

Не дожидаясь реакции отца, которую она и так отлично себе представляла, Лариса уехала скандалить к директору общежития. Заготовила превосходную речь, даже две речи, первая модификация – от имени комсомольской фурии, другая – от царевны Несмеяны. Слезы тоже форма демагогии, она это знала, хотя и не любила применять этот прием. Она была уверена, что никакой в мире директор не сможет объяснить ей, на каком основании он станет выгонять на мороз гения с пишущей антикварной машинкой. Пусть даже этот

гений давным-давно ничего не варит для комбината и платить за проживание отказывается. Для полноты победы, которую она собиралась одержать, она решила объявить этому держиморде, что он должен будет также смириться с тем, что утлый пенал в общежитских пенатах будет посещаем ею, отличницей, комсомолкой, активисткой Ларисой Коневой в любое время по ее усмотрению, и пусть только кто-нибудь заикнется насчет советской морали в этой связи.

Директор обитал на первом этаже в небольшом аппендиксе, где на стенах висели феерически лживые графики, по прошлогоднему покосившаяся стенгазета, а на стульях сидело человек шесть изможденных неизвестностью жильцов. Лариса прошла мимо них, как бригантина мимо лежбищадох нущих котиков, даже не отвечая на жалобный рев этих бытовых животных.

И вот она в кабинете.

И вот она вылетает из кабинета.

Кто же мог знать, что вместо неизбежно улещаемого или запугиваемого административного бугая она наткнется на угрюмую, рябую надзирательницу с банкой горчицы вместо сердца.

Ладно, зайдем с другой стороны, сказала себе Лариса – и зашла. Вечером того же дня.

– Кто у нас будет жить?! – взвился успокоившийся было отец.

– Человек, которому надо помочь.

– Ты выходишь замуж?

– Я еще не решила.

– Подожди, даже если бы уже решила...

– Папа, – сказала Лариса, и на щеке у нее задергалась ганд-больная жилка.

– Ты давно с ним знакома?

– Несколько дней, но это не играет никакой роли.

Капитан пошел к холодильнику и там выпил две рюмки водки одну за другой, зная, что сейчас-то женщины ему и слова не скажут.

– Кто он?

– Это удивительный человек, ты сам это увидишь.

– Ну, хотя бы месяц, ну, полгода вы встречаетесь, я...

– Нельзя ждать полгода, папа. И месяц нельзя.

– Почему?

– Его завтра уже выгонят из общежития.

– Почему?!

– Потому что до этого его выгнали с работы.

Капитан закашлялся, а потом захрипел.

– Папа, выпей еще водки.

Преодолев таким образом отцовскую преграду, Лариса обернулась к матери, та уже несколько раз тяжело вздохнула, прикидывая, какой подарочек приготовлен для нее.

– Мама, мне нужно сделать операцию.

– Операцию? Какую?!

– Папа, выйди, пожалуйста.

Выслушав соображения дочери, Нина Семеновна смешалась:

– Послушай, дочка, а ты уверена, что тебе нужен такой... друг?

Лариса посмотрела на маму настолько ласково, настолько обезоруживающе, что в голове Нины Семеновны ничего не осталось, кроме попыток прикинуть и сообразить, что она скажет главврачу и кого из хирургов придется просить, чтобы все сошло тихо, без сплетен.

– Когда это нужно, Ларочка?

Дочка ответила модным комсомольским слоганом той поры:

– Это было нужно вчера.

Голова активистки работала, как аэропорт Шереметьево: все рейсы были расписаны по минутам и никаких накладок. На утро следующего дня была назначена операция, на обеденное время – встреча капитана Конева и поэта-сварщика, вечером должно было состояться объединение тем.

Но опять-таки замешались в стройный расклад некие нюансы. Когда Лариса лежала под кристально-крахмальной простыней, а мама сидела рядом, держа ее за руку, а хирург с медбратом обсуждали в курилке некоторые аспекты произошедшего только что вмешательства, в палату заглянула виноватая физиономия с белыми глазами-окулярами. Лариса не вскрикнула, не сжала руку матери своей гандбольной ладонью, она грустно улыбнулась:

– Я так и знала.

Да, она надеялась на лучшее, но лучшего не случилось. Капитан Конев через полчаса беседы с поэтом выгнал его из дому, даже не допив его водки.

– Что он сказал?

– Он говорил непонятно. Мол, один – один.

– Какой один – один?

Мать опустила голову и всхлипнула.

Поэт переводил свой совиный взгляд с одной женщины на другую, ничего, разумеется, не понимая.

– А-а... – сказала Лариса, начиная догадываться в чем дело.

Поэт добавил:

– Он сказал, что если въеду я, то он пошлет за Викторией Владимировной.

Мать всхлипнула еще громче.

Лариса знала, когда можно и нужно надавить, а главное – на кого. Сейчас давить на отца было не нужно и нельзя.

– Мам. – Она слегка дернула Нину Семеновну за руку. – Ничего не поделаешь.

– Чего не поделаешь?! – мрачно, неприветливо спросила мать.

– Придется ему, – она ткнула пальцем в поэта, – искать место здесь.

– Где здесь, ты очумела?!

– Конечно, не в этой палате...

– Я говорю, очумела!

– Я только что лишилась девственности, так ты хочешь, чтобы я тут же лишилась и мужа.

При слове «мужа» сварщик потупился, ему казалось, что сейчас назвали слишком большую цену за то жилье, которое ему, возможно, подыщут, но все его вещи сейчас валялись в предбаннике общежития, и ему обещали, что уже вечером они будут валяться на улице в снегу.

Лариса повернулась к сварщику:

– Я же тебя просила не читать отцу стихи. Он офицер, он не поймет.

Поэт развел руками:

– Я читал переводы. Гонгору.

Сестра-хозяйка – лицо влиятельное в госпитале и посвященное во все материальные обстоятельства своего заведения. Окружной госпиталь располагался на обширной территории, обладал множеством укромных уголков, и Нине Семеновне не надо было особенно ломать голову ради того, чтобы найти приемлемую нору для «зятя». Во флигеле неврологического отделения имелась конурка с отдельным входом, с койкой, тумбочкой и этажеркой, так что все имущество сварщика обрело привычные для себя условия существования.

Нине Семеновне поэт тоже не глянулся, но, правда, не до такой степени, как мужу, она разрешила ему курить в форточку и показала ту дыру в ограде, через которую выздоравливающие бойцы бегали в самоволку. Через нее же проникала на территорию и Лариса, когда ей особенно не терпелось добраться до спасаемого ею мужчины и не хотелось тащить лишние два квартала до КПП. Хотя там ее пропускали беспрепятственно и даже приветственно, зная, кто ее мать.

Началась их «семейная» жизнь. Получив минимальную медицинскую поддержку, сварщик показал, что он все же на многое способен как мужчина. Но не это было для Ларисы самым интересным. Она получала не столько постельное удовлетворение, сколько удостоверение, что с этой точ-

ки зрения у них все в порядке.

Намного важнее было духовное единение. Сварщик все время рассказывал о своих несчастьях, о своей незавидной, жестокой судьбе, а она разнообразно мечтала о том, какими способами и с какой энергией она будет бороться против всех этих черных сил.

Перков происходил из довольно родовой по советским меркам семьи. Отец его был заместителем директора совхоза-техникума в Будо-Кошелеве, теперь, правда, сидящего за какие-то подло приписанные ему растраты. Единственный ребенок в семье, поэт ни в чем не знал отказа: первый в поселке магнитофон, лучший мотоцикл, волосы до плеч, возможность поступить по благу в БИМСХа (институт механизации сельского хозяйства) и бегство оттуда. Лихая, богемная районная жизнь. Танцплощадки, общежитие кооперативного техникума. «О, ночная жизнь!» Лариса слушала, чувствуя мучительную работу разбуженного воображения. Скажем, ночная жизнь Парижа – это что-то банальное, предсказуемое (кафе-шантаны и канканы), а вот ночная жизнь Будо-Кошелева – это пьянило!

Потом Перкова накрыла страстная любовь.

Лариса из деликатности собиралась вообще не касаться этой темы, но очень скоро стало понятно, что сварщик без этой темы не мыслит себе общения. Данута и Рогнеда. Имена умершей жены и неродившейся дочери. Когда он в первый раз рассказывал, как добивался, чтобы ему сказали, кого он

потерял, дочь или сына, то не выдержал и разрыдался. Лариса легко разрыдалась с ним вместе.

– А потом я бежал, бежал от этого кладбища. Куда угодно, куда глаза глядят, хоть на стройку!

Лариса все время мечтала добыть ему абсента, чтобы по всем правилам залить поэтическую рану, но этого напитка не могла достать даже мама, несмотря на все свои медицинские связи.

«Тогда же» он начал писать стихи. Всерьез. Потому что до этого всего лишь баловался, сочинил лишь слова для пары песен местного ВИА.

– Теперь ты понимаешь, почему меня бесит, когда их не принимают и нигде не хотят печатать?

Еще бы ей не понять. Она хотела сказать ему, чтобы не волновался, она добьется, чтобы его напечатали, но сдержалась, понимая, до какой степени незнакома ей эта область жизни. Как знать, какие там действуют правила. Но, черт возьми, должна же и там быть хоть какая-то справедливость!

Потом он начинал ей читать свои, как он говорил, «тексты», и ей нравилось это слово, оно как бы заведомо выделяло читаемое из числа обыкновенных стихотворений, какие сочиняли другие, разрешенные авторы.

Будучи в самом полном смысле комсомолкой, активисткой, советской девушкой, она пьянела от сознания, что напрямую общается с источником какой-то таинственной

«неразрешенности».

Чтобы не огорчать отца, она всегда ночевала дома, и капитан жил в счастливом заблуждении, что своими решительными действиями он оградил дочь от этого «шланга». Собственно, Ларисе и самой нравилось установившееся положение вещей. Такой ограниченный, дневной брак ее вполне устраивал. Удивительным образом, живя полноценной половой и, можно сказать, семейной жизнью, она оставалась и прежней Ларочкой, папиной дочерью. Некий кентавр – сверху по пояс студентка за партой, отличница, все время тянущая руку, чтобы правильно ответить на заданный преподавателем вопрос, а ниже пояса, под партой, какая-то саския.

Свою компанию по продвижению творчества сварщика она начала с перепечатывания его текстов на машинке. Поэт потягивал пиво, держа на весу кисти сильных, обожженных сварочными огнями рук, выискивая нужную, но всегда неуловимую букву. За окном метель. Идиллия.

Следующий шаг – институтская стенгазета. Редактор этого издания, втайне симпатизировавший стройной, решительной Ларе, прочитав то, что она ему всучила, заскучал. Лариса, оставив крепкую, очень уверенную в себе ногу, характерным атакующим движением, вперила в него презрительный взгляд, говоривший: не согласишься – уничтожу морально. Он стал длинно и как-то аляповато оправдываться. Мол, у них выпуск ко дню Советской Армии, а предлагаемая

поэма называется «Мои любовные поражения». «Кстати, почему здесь через мягкий знак, не в размер?» Лариса знала почему, это была ее личная опечатка, но признавать свою ошибку она и не собиралась.

– То есть не вставишь?

Годунок, так звали редактора, душераздирающе вздохнул:

– День Советской Армии!

– У меня отец – капитан, – сказала проникновенно Лариса. – И я получше тебя понимаю, что нужно солдату в день его армии. Ты же вон отмазался.

– У меня астма, – тихо просипел редактор, как будто был уже в состоянии приступа.

– Врешь ты все!

Лариса сказала это просто так, но Годунок испугался. Он вспомнил, где работает мать Ларисы, в госпитале, а именно там ему выдавали белый билет в связи с редким геморроидальным недугом.

Он слишком не хотел, чтобы все в институте узнали, насколько он врал про астму. Он взял из ее рук листки, которые только что ей вернул:

– Но двести строк!

Лариса только усмехнулась, потрепала его по щеке и отправилась на следующее задание, которое сама себе дала.

Надо сказать, что дальше дело пошло еще туже, чем со стенгазетой. Повсюду ее отфутболивали. И в областной газете, и многотиражке химкомбината, и в редакции «Понема-

ня», спорадически выходящего областного альманаха. Даже пугливый партизан из дома Ожешко проявил неожиданную твердость и заявил, что никогда, ни при каких обстоятельствах он не станет споспешествовать этому бездарному трутню Принеманскому.

Она понимающе кивнула:

– С завистью бороться труднее, чем с немцами.

Оставив старика в состоянии сердечного приступа, она направилась в последнюю литературную инстанцию города. К Василию Быкову. Всесоюзная знаменитость должна была навести порядок среди мелких областных завистников. Оказался в отъезде.

Выслушав историю ее хождения по мукам, сварщик приглубил свою деловитую музу и успокоил, сказав, что по-другому и быть не могло. Она не поняла.

– А что тут непонятного? Ты с кем говорила, назови еще раз фамилии: Годунок, Данильчик, Михальчик, Коник. Они все тебе отказали.

– Раньше мне отказывали только злые тетки в общаге.

– При чем здесь тетки? Они все белорусы.

– И что?

– Они занимают, Лара, все ключевые посты в областной номенклатуре, в культуре в частности. Тихий заговор, грибница, понимаешь?

– Нет.

– Я, например, русский, но не просто русский, я наполови-

ну болгарин по матери, но не в этом сейчас дело. Я русский, и за это меня душат, не дают прорваться. Белорусы многого не могут простить русским.

Лариса смотрела на возлюбленного все же с некоторым недоверием:

– Чего не могут?

– Ну, например, грубой, безапелляционной русификации. Ты не обращала внимания, что в Белоруссии школы на белорусском языке есть только в деревнях, а в городах все образование на русском. То есть любому белорусу дается понять, что место его в деревне, в его веске, сиди и не рыпайся. А националисты учат русский, выбиваются в люди, вспоминают свои корни, закипает задавленная обида, и они начинают, где возможно, сопротивляться русской культуре, тащить своих.

– Но повсюду же печатают и русских сколько угодно.

– Так для этого нужно быть не просто русским, а разрешенным русским. Если бы я сочинил что-то о партии, о Ленине, попробовали бы они мне отказать. Но стоит начать воистину творить на русском языке, вот так откровенно, беззащитно, сразу – получай! Они партизаны, они привыкли добивать тех, кто отстал от общей колонны или слишком забежал вперед.

Все сообщенное настолько потрясло воображение Ларисы, что она даже осталась ночевать у «мужа». Долго не могла заснуть, а засыпая, видела какие-то фантастические сны. Она никогда не смотрела на жизнь с этой точки зрения, она

всегда жила там, где было полно разных людей, поляков, евреев, русских, белорусов, и национальные различия между ними никогда не были предметом ее размышления или домашнего разговора родителей. Единственно, в чем она отчетливо ощущала свое явное своеобразие, это военное, гарнизонное, в том смысле что не аборигенское, происхождение. Да, в ней есть офицерская кровь. Да, однажды в детстве ее испугала цыганка, и вот цыганскость тоже, пожалуй, была для нее чем-то отдельным, не общим со всеми остальными людьми. Да, цыгане и офицеры – люди особые, но по-разному. Офицеры на ее стороне, а цыгане скорее нет.

Так сразу вслед за отказом от своей невинности Лариса стала обладательницей русскости. И все, в общем-то, благодаря мужу. Мужу. Как оказалось, вообще частично болгарину.

Болгарин. А с этим что делать? То, что надо бороться с тайным ползучим, партизанским белорусским национализмом, она уже приняла как данность. Но как разыграть болгарскую карту?

Придумала! Она напишет письмо Тодору Живкову! Она найдет что ему написать.

Проснувшись утром, Лариса решила утренним умом пока отставить болгарский план – все-таки выход за границы государства. Надо попробовать использовать местные ресурсы.

Это значит, надо идти скандалить.

Куда и с кем?

При свете дня ситуация не выглядела такой простой – пошла поскандалила, сорвала чиновничьи маски, обнаружив под ними хитрые белорусские физиономии, и все в порядке. Сочтут, пожалуй, ненормальной.

Она смотрела на своих однокурсников с легким презрением, как носительница тяжелого тайного знания – на беззаботно резвящихся детишек. Ей в каком-то смысле было даже приятно ее состояние, когда бы не необходимость что-то решать с творчеством мужа.

Был и еще один фронт непрерывной работы – отец. Капитан Конев обрабатывался неутомимо и разными видами оружия. Лариса вздыхала, не только расписывала ужасы существования непризнанного поэта, заброшенного злой судьбиной в чужой город.

– Так ты что, с ним встречаешься?

– Да.

– Где?

– Мы гуляем в парке.

Капитан скрипел зубами, но не мог же он и это запретить.

– Доча, он же дрянь, ничтожество, обмылок, а не человек.

Разумеется, отцовские слова производили эффект обратный желаемому.

Лариса долго думала, какую бы подвести мину под оборонительную систему отца. И однажды додумалась. Забралась к нему в стол во время его дежурства и отыскала там потертую общую тетрадь, куда Николай Конев еще с тех времен,

когда он только готовился поступать в училище, записывал умные и парадоксальные фразы по поводу военного дела. В основном, конечно, это были цитаты из чужих трудов. Но затесалось меж ними и несколько оригинальных мыслей молодого офицерского ума. Лариса выбрала парочку, не вдумываясь в смысл, написала гуашью на плотной бумаге и повесила у себя над столом. Решила, что, если папа спросит откуда, скажет, что это осталось у нее в памяти от их давних душевных бесед.

«Сила + культура = офицер», «Война – это достижение справедливости силой», «Хочешь проиграть войну – начни ее!»

На капитана эта диверсия произвела очень сильное впечатление, он засопел и скрылся на кухне.

– Еще немного – и мы переезжаем к нам, – сообщила Лариса Перкову.

Но вот как быть с публикацией? Годунок поклялся, что сделает, но до 23 февраля была еще целая неделя.

И тут судьба сама пошла ей навстречу. У кинотеатра «Гродно» она столкнулась нос к носу с Леонидом Желудком. Он обрадовался встрече и даже с ходу взял свой обычный самодовольно фатовской тон, что Ларису не удивило. Удивило другое, что он резко, посреди разговора, без всяких внешних причин свернул уже начатую обольстительскую компанию. Как бы внезапно опомнился. Даже оглянулся по сторонам – не видел ли кто-нибудь. Видимо, были причины внутренние.

До них Ларисе не было дела, она вся сосредоточилась на той мысли, что Леонид работает в том самом доме, что недалеко от Советской площади, в «комитете», как тогда говорили. Не важно, на какой должности, важно, что он сам, помнится, предлагал ей помощь в случае чего. Тогда, в институтском коридоре. Давно, полгода назад, но это не важно. А тут как раз случай, да еще какой. Разве не должен человек, поставленный на страже интересов государства, немедленно отреагировать на отвратительный зажим редкого поэтического таланта.

– Леня, нам нужно серьезно поговорить!

Он испуганно заморгал и сделал полшага назад.

– Я приду к тебе, какая комната?

– Никакая.

– Говори, Леня.

– Может быть, прямо здесь?

Он сделал еще шаг назад. Представитель власти явно боялся представителя народа.

– Что я тебе, уличная девка? – возмущенно сказала Лариса.

Она имела в виду, конечно, не совсем то, что прозвучало. Она хотела сказать, что заслуживает того, чтобы ее выслушали в кабинете, а не на проезжей части. Мелкий сотрудник областного управления КГБ Леонид считал совсем другое сообщение с прозвучавшей фразы. И сообщение это пахивало чем-то скандальным, тем, чего он должен был по

своему нынешнему положению тщательнейшим образом избегать. Он собирался в самое ближайшее время жениться на дочери одного из секретарей обкома и уже успел понять, каких строгих правил семейство, в которое он надеется войти. Старые, комсомольских времен ухватки придется отставить. Опасно каждую активистку рассматривать как наложницу.

Леонид быстро огляделся, не наблюдает ли кто за разрастающимся скандалом:

– Хорошо. Приходи. Но через две недели. Командировка.

– Я не забуду, Леня.

Он знал это.

– Утром. Как можно раньше.

Выслушав сообщение Ларисы о страшном белорусском заговоре против русской поэзии, он чуть не разрыдался от смеха в своем кабинете.

– Что с тобой? – спокойно спросила Лариса, не собиравшаяся шутить или смущаться.

– Это бред, понимаешь, абсолютный, клинический, махровый бред. Уж чего нет и не может быть в природе, так вот этой «грибницы», этой «партизанщины». Ну, поляки как-нибудь втихую, ну, евреи, само собой, но чтобы белорусы задумали... – Он рухнул на стул, стирая слезы с великолепно выбритых щек.

Лариса смотрела на него как на недоумка, временно имеющего возможность порезвиться, но неприятные известия

уже в пути.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что белорусы – они те же русские, только лучше. Добрее, толковее... Ни тени самостоятельной дури. Скорее Москва отделится от России, чем Белоруссия.

– Ты хочешь сказать, что мой муж... – Она сознательно усугубляла ситуацию.

– Так, значит, этот Перков тебе муж? – Желудок произнес этот вопрос настолько уничижительным тоном, что Лариса ослепла от ярости, надо было во что бы то ни было ответить!

– Не только муж, но и отец моего будущего ребенка!

Лариса свято верила в момент произнесения этих слов, что так оно и есть.

Леонид не сдержался – по молодости, из-за укола понятной мужской обиды. Лариса ему искренне нравилась, но у него ничего не вышло, а у этого... Перкова вышло, да еще и так далеко зашло.

– Хочу тебя обрадовать, ты замужем за идиотом!

– Мы пока не женаты.

– То есть как не женаты? Ты же сама говорила – муж.

Впрочем, какое мне до всего этого дело?!

– Ты должен позвонить в «Понеманье» и Варивончику.

Леонид помотал головой, отгоняя страшный сон:

– Ты хоть понимаешь, куда ты пришла?!

Лариса усмехнулась:

– Я-то как раз понимаю. А ты понимаешь, где работаешь?

Опять-таки Лариса сказала не совсем то, что было услышано. Она подразумевала, что отстаивать права советского человека – обязанность для всякого, кто оказался в здешних рядах. Леонид слышал какую-то смутную, и от этого очень неприятную угрозу. Ему стало понятно, что пугать эту дурру отчислением из университета или исключением из комсомола за незаконную беременность бесполезно, все равно все обернется против него.

– Давай пропуск.

– Зачем?

– Чтобы ты могла выйти отсюда.

– Ты меня выгоняешь?!

Леонид испугался, что она сейчас заявит, что никуда не уйдет, пока он не отдаст команду печатать Перкова. Он попытался обратиться к логике, мол, даже если бы он и хотел помочь, то не может, он работает не в том отделе, который ведаёт прессой и все такое.

– А в каком ты отделе?

– Ну, знаешь...

Лариса встала со стула:

– Хорошо, я уйду. – Остановилась у двери. – Тебе наплевать на искусство, наплевать на моего мужа!

Это была чистейшая правда.

Она открыла дверь и, уже стоя в проеме, сказала:

– Но подумай, что будет с этим несчастным ребенком! –

И исчезла.

Леонид вылетел следом. В предбаннике сидело человек пять, и все они видели его красное лицо.

Увидевшись с «мужем» сообщила, что все будет хорошо и произойдет скоро.

– Всё? – спросил поэт со странным выражением голоса.

Да, уверенно подтвердила Лариса. И стихи пойдут в печать, и отец вот-вот смирится с переездом избранника дочери в их хорошую двухкомнатную квартиру по улице Карла Маркса.

– Ты удивительный человек, Ларочка.

– Я знаю.

Капитан Конев сдался.

Сразу вслед за Годунком.

Тот дал «Мои поражения» и слег с приступом геморроя, так что шокированному начальству сначала было даже не на кого обратить свое удивление.

– Ладно, – сказал капитан, – поехали.

Он, конечно, уже знал, где обретается «жених», и чувствовал себя осажденной крепостью, под которую подводят медленный, но неуклонный подкоп. В конце концов, каким бы куском дерьма ни был будущий зять, Ларочка сделает из него человека. Будем считать, что ей виднее.

Выгнал из гаража свой «Москвич», освободил багажник для пожитков поэта. Даже хорошо, что тот бросил сварочное дело, а то бы въехал к ним прямо со сварочным аппаратом,

отвлекал себя таким незамысловатым юмором капитан.

– Сколько же ему лет?

– Двадцать шесть.

– А где служил?

– Па-апа!

– А вдруг теперь заберут?

Лариса рассмеялась:

– Кто его у меня заберет?! В крайнем случае, вернется опять в госпиталь на пару недель.

Въехали официально, через КПП, замедленно попетляв меж аккуратными сугробами, сдали задом к дверям неврологического флигеля.

Сначала Лариса не поняла, в чем дело. Первое, что бросилось в глаза, отсутствие печатной машинки на тумбочке у окна.

Потом она обратила внимание, что исчезли и все остальные вещи. Какое наглое ограбление! Что она скажет Валере, это ведь она поселила его здесь, и на что годна вся наша Советская Армия, если не смогла обеспечить сохранность имущества всего лишь одного несчастного поэта. Вообще, он знает об этом? А вдруг это начальник госпиталя распорядился? Валера сказал ему какое-нибудь слишком откровенное слово, он ведь не умеет кривить душой, и вот результат!

– Папа!

Капитан обнял ее за плечи, успокаивая:

– Ничего, ничего, я его найду и ноги повыдергаю.

Тогда Лариса поняла, что тут произошло на самом деле.

Сбежал! Это было сколь несообразно, столь и очевидно.

«Невеста» села на кровать в состоянии полного окаменения.

Ни разговаривать, ни даже плакать она была не способна.

Капитан осмотрел помещение.

Ничего, кроме исчирканных обрывков бумаги, грязного носового платка и заштопанного одиночного носка.

Она слегла с сильнейшей простудой. Капитан и капитанша ходили как тени по квартире, дежурили по очереди у постели. Хорошо, что уход за больной требовал много внимания, в эти дни они наконец полностью покончили с той старинной еще слонимской историей, все было прощено друг другу над раскаленным телом обманутой дочери. Все обиды как бы сгорели в этом костре. Дошло до того, что, когда в один из дней по окончании кризиса позвонил Лион Иванович, залетевший в Гродно на очередную свою гастроль, капитан Конев махнул рукою – да пусть заходит!

Супруги, конечно, ничего бы не стали ему рассказывать – кто же такой сор выносит из избы! Лариса сама, выйдя к гостю в пижаме и с замотанным горлом, тут же вывалила всю свою историю. Причем не в жалобной манере, мол, пожалейте меня, а чуть ли не с юмором, что при ее воспаленном взгляде, хрипловатом, больном голосе получилось впечатляюще.

Когда она ушла к себе, капитан похвалил ее – смотрите, держится, даже шутит.

Лион Иванович не разделил такого взгляда на ситуацию. По его мнению, именно в таком состоянии девицы глотают таблетки и бросаются с моста. Вслух он этого не сказал, но усиленно посоветовал родителям подумать о том, чтобы доч-

ка сменила обстановку. Лучше, если целиком весь город.

– В каком смысле?

– Ей надо перевестись. Например, в Москву.

Это звучало как хорошо бы ей полететь на Луну.

– И родной дом, и родной институт – все это будет давить на нее, а я мог бы попробовать похлопотать. Кроме того, я знаю людей такого типа, как этот ее, извините, жених. Никакой ведь нет гарантии, что однажды он не нарисуетя поблизости и не станет трепать Ларочке нервы.

– Я его... – Капитан поднял руку, демонстрируя, что он сделает с вернувшимся сварщиком.

– Да бросьте вы, это все слова. Что вы драться полезете, из пистолета своего застрелите его? А он своими выходками превратит Ларочкину душевную травму в хроническое заболевание. Сломаете своей заботой жизнь девочке.

Конечно, они не согласились, куда это вдруг отпустить от себя раненое дитяtko в чужие люди за тридевять земель! Но зерно сомнения было заронено. Капитан после одной из бессонных ночей осторожно заговорил с Ларисой на эту тему. Она выслушала, ничего не ответила. Позвонил Лион Иванович: ну, что, надумали? Капитан переглянулся с супругой и вздохнул – хлопчите!

Лариса, возвращаясь домой с занятий, вдруг ни с того ни с сего (как будто кто-то дернул за рукав) остановилась у газетного стенда «Гродненской правды» и там, на четвертой полосе, внизу, в углу, увидела ненавистное имя – Валерий

Перков, вслед за этим четыре стихотворения, полные такого декадентского дребезга, по сравнению с которым «Мои поражения» звучали как почти жизнеутверждающий текст.

Стоял яркий, голубой, солнечный мартовский день. С сияющих сосулек, мелко петляя, сбегали вниз быстрые капли. Блестели окна домов, даже троллейбусы выглядели одухотворенно, а в Ларисе закипало злое, но жизнеутверждающее чувство.

Она поняла, что надо делать.

К офицеру Леониду ее не пустили. Она дождалась его в скверике у входа в управление. Завидев ее, он попытался свернуть в боковую аллею и ускорить шаг, но все это были напрасные попытки.

– Решила меня поблагодарить?

– Ты мне должен помочь.

– Послушай, сколько это будет продолжаться? Я не собираюсь всю жизнь трястись при твоём появлении.

Лариса была спокойна:

– Все закончится, как только я отсюда уеду.

Мысль была настолько очевидна, что Леонид перестал раздувать возмущенные ноздри:

– Что?

– Ты должен мне помочь.

– Ну, говори.

– Перевод в Москву.

Он фыркнул.

– В любой институт.

Он фыркнул снова. Лечение выглядело обременительнее болезни.

Она вздохнула как человек, обладающий куда большим жизненным опытом, чем собеседник, наивно сопротивляющийся неизбежному:

– Леня, ты же понимаешь, что это придется сделать.

Уже получив все необходимые документы, Лариса выступила на институтском комсомольском собрании с требованием, чтобы Николая Годунка немедленно освободили от должности редактора стенгазеты. Потому что ведь недопустимо помещать на страницах этого уважаемого издания такую вредную и убогую продукцию, как идеологически уродливые стишки Валерия Принеманского, дезертира трудового фронта.

Когда она выходила из аудитории, то случайно встретилась взглядом с Годунком. Он смотрел «так», что она не могла просто пройти мимо.

– Как тебе не стыдно, Коля. Ты думаешь, вот, мол, она сама же мне навязала этого дурака, а теперь сама же за это бьет. Ты не можешь не напомнить мне о моей жизненной драме. Ты жестокий и мстительный человек, Годунок.

В столицу Лариса въехала слегка прищурившись, как бы прикидывая, кто из попадающихся навстречу мужиков соби­рается ее соблазнить своей беспомощностью и вслед за этим цинично бросить. Она была убеждена, что знает о предста­вителях противоположного пола практически все, и решила, что ее больше никогда не заманить под вывеску «Гибнущий талант». Когда она услышала по радио некогда популярную песню, где были слова «женщина скажет, женщина скажет, женщина скажет – жалею тебя», ее чуть не вырвало.

Ей дали койку в аспирантском общежитии пединститута. Она понимала, что это как-то связано с хлопотами Леонида Желудка, но не концентрировалась на этих мыслях. Он обя­зан был ей помочь – и помог.

Это был двухкомнатный блок с общим туалетом и душем. Одну комнату занимала Лариса вместе с очень болезненной, почти постоянно отсутствовавшей девушкой, вторую – Иза­белла. Она сразу завладела вниманием новенькой. Она бы­ла иностранка, она шикарно одевалась, постоянно курила, отчего напоминала жрицу в облаке культовых испарений. У нее, правда, был недостаток – она печатала на машинке. Ма­шинка была почти той же породы, что и у сварщика. Род­ственницы, как Лиля Брик и Эльза Триоле. Лариса сама до­думалась до этого образа после одной из лекций по зарубеж-

ной литературе.

Лариса сначала напряглась, а потом простила новой подруге это сходство. Потому что Изабелла боролась. На ее латиноамериканской родине царила диктатура, держащаяся на штыках американской морской пехоты, и Изабелла Корреа Васкес организовала что-то вроде ячейки сопротивления из соотечественников, студентов московских вузов.

Первое посещение ее комнаты поразило Ларису как выезд за рубеж. Здесь все было другое – запахи, предметы, даже свет из окна, как будто в него подмешали каплю крови. Коврики с диким орнаментом на стене и полу, портреты Боливара и Че, губастые статуэтки, стопки книг с яркими латинскими буквами на корешках. На четырнадцати квадратных метрах была устроена совершеннейшая заграница.

Все началось с кофе. Изабелла вошла в комнату Ларисы, обаятельно выпуская дым изо рта, и, красиво коверкая русские слова, предложила завязать знакомство. И немедленно отпраздновать его.

Кофеварка выглядела как маленький ацтекский храм, выдолбленный изнутри, запах, ею произведенный, еще некоторое время самостоятельно жил в воздухе, после того, как напиток был уже и разлит и выпит. Изабелла очень нравилась Ларисе – черные, смоляные, с почти неуловимой проседью волосы, зачесанные назад, огромные, много повидавшие глаза, браслеты на коричневых запястьях и манера материться. Она почти на все явления жизни реагировала одним слово-

сочетанием – «бляга муга!».

Еще она нравилась Ларисе тем, что не мужик. Оказывает- ся, можно полноценно общаться с человеком, не думая «об этом».

Биография у иностранки была феерическая. Дочь плантатора, ушедшая в марксизм. Подруга одного из вождей так и не состоявшейся революции, вывезенная из страны на французской подводной лодке, из горнила креольской резни.

Кроме того, у Изабеллы было большое сердце, поэтому она все увеличивала и увеличивала количество потребляемых сигарет и кофе. Неправильность ее речи во многом объяснялась тем, что во рту она постоянно держала таблетку валидола, и даже две, когда слушала по вечерам новости по телевизору. Кстати, и материлась она чаще всего во время новостей.

Как это говорится, Ларочка потянулась к ней. Сначала клюнула на экзотику, а потом распробовав в соседке по-настоящему интересного и оригинального человека. Ларочка ей завидовала. У Изабеллы была борьба, здесь на третьем этаже московской общаги тянулись будни обыкновенной обыденной жизни, а где-то горел костер сопротивления диктатуре. Джунгли, барбудос, белые штаны, ром, бандьера роса и сомбреро. Жизнь Изабеллы была более обеспечена содержанием и смыслом, словно бы поработенная узурпатором родина была чем-то вроде огромного банковского счета,

с которого можно было получать проценты самоуважения и сочувствия окружающих.

Лариса сочувствовала ей не только как идейной беженке, но и как сердечнице. У Изы иногда и вдруг серело ее смуглое лицо, Лариса неслась на первый этаж к жуткому скрипучему аппарату на столе вахтерши и звала «скорую». Врачи уже изучили этот маршрут, каждая из бригад ближайшей подстанции перебивала в экзотической комнате по несколько раз, и чем дальше, тем больше они корили революционерку за непрерывный табак и кофе, угрожая больше не приехать, если она не оставит убивающих ее сердце привычек. Лариса ругалась с ними, требуя особенного внимания к подруге, стыдила, давая понять, что они имеют дело с необычным человеком, с человеком, по сути сидящем в окопе непримиримой битвы с мировым империализмом. А вам лень оторваться от ваших кроссвордов!

После одного из таких приступов Иза выглядела особенно подавленной. Что? Что с тобой? Тебе все еще плохо?! Оказалось, что Изабелла должна была этим вечером отвезти некие «материалы» товарищам латиноамериканцам в общежитие Энергетического института.

– Они ждут, а я...

Лариса тут же оделась, мол, положишься на меня.

– А лекции?

Лариса усмехнулась. Переехав из провинциального вуза в столичный, она обнаружила себя еще более бескопромисс-

ной отличницей, чем была. Учение давалось легко, сказывались врожденная бойкость ума и то, что она не отвлекалась от учебы ни на что, кроме общения с Изой. Подваливали, конечно, какие-то увальни с вермутом, танцами и другими тусклыми глупостями, но она уничтожала их ехидным, разоблачающим взглядом. Однокурсницы перед ней заискивали, рассказывали фантастические сплетни про ее внеинститутские связи и были втайне рады, что она не охотится на их территории.

В общежитии энергетиков ее «принял» Фернандо. Мрачноватый, жгучий красавец брюнет. Он взял у нее пакет с «материалами» и настоял на том, чтобы «связная» выпила с ним кофе. Они поднялись в комнату, которую он делил еще с двумя другими брюнетами. Лариса поднялась из любопытства и из нежелания оскорбить уязвимую душу борца с тиранией. Никакой ожидаемой экзотики не обнаружилось в комнате Фернандо. Обычная общажная конура на три койки, кое-как застеленные постели, разбросанная одежда, грязный кед выглядывает из-под стула. Велосипед в неприличном – вверх колесами – положении. Латиноамериканские мужчины были, видимо, не столь чистоплотны, как их женщины.

Кофе оказался растворимый, да к тому же индийский. Лариса подумала, что это забавно: индеец потчует ее индийским кофе. Фернандо непрерывно тараторил. Почти непонятно. С огромным трудом Лариса намывала из породы этой болтовни золотой песок какого-то смысла. О, охмуряет! И

он действительно охмурял. Великолепно, умело... Откуда-то из-за стены явился друг Фернандо по имени Аурелиано с расстроенной гитарой, отчего извлекаемые им звуки были особенно душещипательны. От этого обволакивания и мужского напора Ларисе стало душно. Она встала прямо посреди песни и удалилась.

И устроила Изе тихий скандал по возвращении. Как ты могла?! Ты же знала о моем отношении к мужчинам!

Иностранка выглядела очень смущенной, она настолько расстроилась, что Ларисе пришлось ее утешать. Иза ругала себя: «Дура, дура, бляга муга! Как я могла! Я ничего не понимала!»

– Он тебя обидел?

Лариса усмехнулась и сделала атакующее гандбольное движение, распахнула кисть так, будто держала в ней оторванную мужскую голову. Иза была в восторге, обняла и поцеловала подругу, шепча что-то вроде: «Как я могла такую девочку отдать каким-то грубым диким мужикам».

С тех пор Лариса, выполняя поручения Изы, никогда не попадала в сомнительные ситуации. С ней были просто вежливости, и все.

Очень скоро стало понятно, что Изабелла не рядовой работник сопротивления заморской диктатуре, она своего рода профессор Мориарти в хорошем смысле, мозг этого сопротивления. Или, по крайней мере, один из важных отделов этого мозга. Лариса побывала в десяти – двенадцати москов-

ских вузах, снабжая «материалами» группы смуглых активистов. Вечерами они сидели с подругой при свечах, и ей было так уютно, так хорошо, как в постели с мамочкой лет в пять. Ни о чем не надо думать, ничего не надо бояться.

Лариса вошла во все обстоятельства подруги.

Например, почему это к ней никого не пускают из ее латинских друзей? Нарушение режима? Парням нельзя вваливаться в женское общежитие. Мгновенно образуется латинский квартал. Чепуха! Дискриминация! Сначала Лариса наехала на вахтершу, довела подслеповатую старуху до слез, и поняла только одно – гонения инспирированы откуда-то сверху. Даже к коменданту идти бесполезно.

Комитет комсомола.

На вопрос, почему так обращаются с хворой революционеркой, ей не смогли понятно ответить. Уклончивые слова, мягкие улыбки, странные советы не обострять, не напрягать.

Лариса отказывалась понимать иносказания и требовала прямых формулировок.

Так мы дружим с теми, с кем у нас объявлена дружба, или только болтаем, что дружим? Партия и правительство за свержение той диктатуры, с которой борется, преодолевая нездоровье, Изабелла Корреа Васкес, или нет?

Не добившись вразумительного ответа в комитете комсомола, Лариса двинулась в массы. На каждой перемене она в буфетах и курилках возбуждала общественное возмущение против варварских порядков. Она всячески расписывала че-

ловеческие достоинства Изы, ей в ответ кивали, но без азарта. Любого, кто пытался ей возразить, она мгновенно обливала таким количеством ледяного презрения, что от человека оставался лишь Карбышев.

Приходите в гости, девочки, вы увидите, что это за чудо Иза!

Девочки усмехались и обещали подумать. Один раз кто-то из них спросил, а что с Ларисиной соседкой по комнате, она еще не вернулась? Наверно, все еще где-то болеет, рассеянно отвечала Лариса.

Вообще, правильно говорят, что советские не слишком дружелюбны. Никакой открытости, никакой душевной щедрости. Одна похвальба. Одни только разговоры о дружбе народов, а на самом деле предубеждения и косность!

А Изабелла умела дружить. Да, она вся была «там», в пампасах горюющей родины, но и отлично различала то, что происходит вокруг. Она, например, первая поняла, что Ларочку тошнит отнюдь не только в ответ на песенный рефрен «женщина скажет, женщина скажет...».

– Ты беременна.

Ларочка посмотрела на подругу удивленно и испуганно. Нет, она, в общем-то, осознавала, что значит факт много-недельной задержки, но вместе с тем совершенно искренне считала, что ненужный, неуместный ребенок куда-нибудь денется, рассосется, ибо если отец его оказался такой законченной сволочью, то нет никаких оснований для продолже-

ния присутствия в ней этого плода. И какое-то время у нее были основания думать, что этот «ребенок» внял этой логике и пустился в обратный путь во вполне заслуженное небытие, из которого его выдернули и случайно, и напрасно.

– Я не хочу! – оскорбленно и капризно заявила Лариса.

Изабелла заварила самый крепкий кофе, на какой была способна ее кофеварка. Подруги выпили по чашке и стали подсчитывать, сколько недель этой неприятности. Выходило, что время еще есть. Одно посещение абортария – конечно, жуткое испытание – и свобода!

– А у тебя есть дети, Иза?

Подруга провела узкой ладонью по масляно поблескивающим волосам и вставила сигарету в рот, набитый валидолом.

– Я родила, когда мне было пятнадцать.

Лариса присвистнула, хотя и не умела свистеть.

– А твой муж, такой же негодяй, как и мой?

– Хуже, Лала (она плохо выговаривала букву «р», как ребенок), хуже.

Лариса прониклась любопытством:

– Как это?

– Он вообще был индеец.

– Тебя похитили?

– Нет, я сама его соблазнила.

Лариса смотрела на подругу в полнейшем восхищении – какая сильная самка! Взяла и соблазнила команча. Пусть он и ускакал потом на своем абреке. Ей даже и в голову не при-

шло, что она с таким же правом могла бы восхищаться и собою. Чем уж так полуболгарский сварщик уступает в своей подлости краснокожему коннику? И тоже ускакал.

Так что же делать с потомством белорусского поэта? Ларисе сделалось как-то не по себе. Она боялась не возможной огласки, совсем нет. Впоследствии она спокойно и даже увлеченно обсуждала эту тему с однокурсницами, весьма шокируя их своей откровенностью. Аборты были вещью обычной в их гуманитарном заведении, но об этом все же предпочитали не распространяться, и только об абортных проблемах Ларисы был оповещен весь поток.

И не физической боли она боялась, хотя, конечно, думать о предстоящих скальпелях, крови и прочем было тоскливо. Ее угнетала мысль о том, что эта операция опять возвратит ее как бы в круг влияния этого негодного рифмача с белой шеей. Для того чтобы он в нее вошел, пришлось делать операцию, и, чтобы изгнать его, опять без нее не обойтись. Она до такой степени полно, окончательно и уничтожительно презирала этого человека, что даже от такого, чисто условного возврата к нему ее тошнило, не хуже чем от песни со словами «женщина скажет».

Конечно, строго говоря, это был всего лишь несущественный каприз психики, но, когда она рассказала Изе о нем, та отнеслась к нему с чрезвычайной серьезностью. Лариса была благодарна ей. Глубоко благодарна. Мы любим, когда учитываются наши законные требования, но особенно мы це-

ним, когда и к таким вот капризам нашей природы проявляют участливое понимание.

Но вместе с тем надо ведь что-то делать. Время идет. Не оставлять же ребенка, только исходя из-за приступа этой заочной брезгливости. Нет, в этом Иза поддерживала подругу. То, что с Ларисой сделал беглый подлец, хуже, чем обыкновенное изнасилование, это духовное растление. И даже в некоторых католических странах разрешается избавление от подобного плода. Так что же делать?! Надо найти другой путь к очищению. Какой?!

– Я, как ты, наверно, догадалась, немного ведьма. Совсем чуть-чуть...

Лариса улыбнулась – конечно, догадалась.

– Моя бабушка, она родом из маленькой деревеньки в Андах, она умела делать это очень хорошо, чисто женское дело, без всякого вмешательства мужчин.

– Да-а?!

Изабелла изложила ей суть старинного андского метода. Но не настаивала на его немедленном применении. Лариса взяла время на обдумывание, потому что была слишком впечатлена приемами Изиной бабушки. Этот метод требует не совсем обычного контакта человека с человеком, в смысле женщины с женщиной.

– И ты готова сделать для меня это? – недоверчиво поинтересовалась Лариса.

– Раз нет другого выхода, то готова, – сказала Иза и по-

гладила подругу по плечу.

Это может не получиться за один раз, честно предупредила коммунистка. Тем более что она не сможет действовать грубо и решительно, все же они находятся в цивилизованной стране, а не в древних Андах. Кроме того – Изабелла виновато улыбнулась, мне трудно причинить настоящую боль человеку, которого я люблю.

Нет, все же не напрасно врачи во всем мире стараются не лечить родственников, сказала Иза после того, как и пятый сеанс, очень длительный, доведший обеих подруг до полного изнеможения, не дал результата.

– А твоя бабушка?

– Она тоже старалась со своими не связываться.

Изабелла так извинялась, так горевала о том, что оказалась неспособна помочь подруге, что Ларисе пришлось ее утешать с помощью «скорой помощи».

И уже приближался критический срок, после которого попытка освобождения от наглого биологического захватчика может быть просто небезопасной для здоровья.

Что ж, сказала себе Лариса, отчужденно чувствуя в себе сильного человека, видимо, от грязных сторон судьбы не увернуться, надо просто перетерпеть испытание, если нельзя избежать.

День освобождения от плода неразумной страсти был назначен. Изабелла с самого утра очень внимательна к подруге, глаза у нее были влажные, и курила она больше чем обычно, хотя и обычная доза могла ужаснуть неподготовленного человека.

Проводив Ларису до дверей, она крепко поцеловала, последний раз давая понять, до какой степени переживает за нее. Лариса спускалась по лестнице, пребывая под впечатлением от этого поцелуя. У вахты ее окликнул молодой человек в плаще и шляпе, он приветливо улыбался, но чувствовалось, что пришел по делу.

– Я спешу.

Он снова улыбнулся, и Ларисе стало понятно, что, даже если она ему расскажет, куда именно она торопится, он не переменит свои планы на ее счет.

Они вышли из общежития.

– Мне вообще-то не следовало сюда приходить, – сказал молодой человек, – и только после этого объяснил, кто он и откуда. После этого представился: Леонид.

Лариса остановилась и сказала:

– У вас «там» что, все Леониды?

Молодой человек тоже остановился и, нахмурившись, сказал:

– Не надо так со мной разговаривать.

– Хорошо, больше не буду, – сказала Лариса без малейшего следа извинения в голосе.

Леонид поглядел по сторонам, ему требовалось время, чтобы вернуться к задуманному плану разговора.

– Повторяю, мне не следовало приходить в общежитие, но в учебной части мне сказали, что вы уже несколько дней не ходите на занятия. А телефон у вас на вахте...

Она вспомнила грохот и скрежет, который живет в трубке страшного черного прибора на столе перед бабкой Аидой, и кивнула. Для связи со спецслужбами этот канал был непригоден. Лариса была немного смущена и немного польщена этим визитом. Приятно ощутить себя хотя бы отчасти государственным человеком. Комитет-то ведь именно государственный. Конечно, гродненский Леонид информировал столичных товарищей, что из провинции направляется в столицу подходящий кадр. Только жизнь теперь так поворачивалась, что Лариса не могла твердо решить, хочется ли ей считаться этим подходящим кадром. В слоях московского студенчества модной считалась неполная лояльность по отношению к власти. Свободомыслие, чтение только запрещенных книг. Лариса вроде бы даже начала пропитываться этими настроениями, стала даже призабывать, как она перенеслась из провинции в Москву, и тут – новый Леонид. И неприятно – вроде как тебя поймали, и одновременно какое-то бодрящее ощущение нужности стране. А рядом – ка-

призное: что захочу, то и сделаю. Захочу – в диссиденты, захочу – ринусь отечеству служить.

Но это продолжалось только краткий миг. Зашевелился шпион, засевший в животе. Внутренний враг высасывал все живые силы, как будто питался не просто соками тела, а ценными свойствами материнского характера. Решительностью, уверенностью в себе и т. п.

– Ну! – сказал Леонид.

– Что ну?

– Я жду, когда вы начнете рассказывать.

– О чем?!

Сотрудник недовольно снял шляпу, но потом снова ее нахлобучил:

– Сами знаете, Лариса.

Господи, подумала она, кстати, впервые в жизни. Господи, они все знают! Ну и пусть! У нее внутри появился очаг острого раздражения – мужской козлизм многолик и изобретателен.

– Да, я иду делать аборт!

Леонид поглядел на нее так, словно рассчитывал услышать не это:

– То есть как?

– А так! Что, нельзя?!

Сотрудник все же снял шляпу и теперь растерянно трогал ею нос.

– Но она же всего лишь лесбиянка!

– Что?! Кто?!

Произнесенное сотрудником слово было настолько не из обиходного набора, что Ларисе оно представилось толстой извивающейся змеей, которую змеелов держит на вытянутой руке.

Леонид нервно усмехнулся:

– Да нет, этого не может быть! И вообще, я собирался говорить о другом.

– О каком? – тупо, автоматически спросила Лариса.

– Неужели вы до сих пор не заметили, каким образом она распространяет свои листовки. Она никуда не выходит из-за своего сердца, к ней никто не приходит, она находится под постоянным вашим наблюдением, тогда как?!

Лариса села на подвернувшуюся скамейку.

– В ногах правды нет, – услужливо пробормотал Леонид.

– Нет.

– Вы только не подумайте, что мы придаем этой деятельности какое-то большое значение. Но нам не хотелось бы, чтобы мадам Васкес спровоцировала какие-нибудь экстремистские выходки своих горячих друзей у известного нам посольства. Это, конечно, мелочь, но совершенно не нужная. Вы меня понимаете?

Она продолжала сидеть неподвижно и как-то неразумно, словно не пользуясь сознанием во время этого сидения и разговора.

Леонид дернул щекой:

– Только не надо делать вид, что вы не в курсе.

Лариса уже поняла, что делать такой вид глупо.

– Ведь с вами разговаривали.

С ней разговаривали. В деканате, перед вселением. Разговор носил какой-то необязательный характер, мол, держите ухо востро, барышня, и по сторонам смотрите внимательно. О причине ее перевода из Гродно тогда не было сказано ни слова, и тот, кто с ней говорил в деканате, не рекомендовал себя как сотрудник каких-то органов. Но все-таки, значит, был им? И она вроде бы как что-то обещала? Вот оно, значит, что?

– Что вы молчите, Лариса?!

Она посмотрела на часы:

– Мне было назначено на одиннадцать. Это по знакомству, туда нельзя опаздывать. А я опоздала.

– Не понял.

– Можете успокоиться, Леонид, листовок больше не будет.

Она развернулась и пошла обратно к общежитию. Сотрудник смотрел ей вслед, постепенно понимая, что значат ее последние слова. Губы его шевелились от бесшумных ругательств.

Вернувшись к себе, она заглянула к Изабелле и увидела непривычную картину. Активистка и коммунистка стояла на полу на коленях и молилась маленькой гипсовой статуэтке, как потом выяснилось, Девы Марии. Молилась и просила, чтобы все было хорошо, то есть чтобы задуманное преступ-

ление против человеческой природы совершилось успешно.

Увидев Ларису и догадавшись, что ничего не произошло, она вздохнула с явным облегчением и тихо сказала:

– Он будет жить, бляга муга.

Лариса опять развернулась и бежала от подруги так же решительно, как от сотрудника. Весь день провела на факультете, в коридорах, в курилках, изнывая от нестерпимого желания – поделиться, вынести на общее обсуждение факт неприкрытого лесбийского извращения в рядах советского студенчества. Это нестерпимое желание боролось в ней со страхом того, какую информацию о себе придется обнародовать для инициирования подобного разговора. Выводя Изу на чистую воду, и самой придется на нее выйти.

Плевать! Страх саморазоблачения отступал. Она все больше проникалась уверенностью, что, какие бы помойные ведра ей ни пришлось опрокидывать на окружающих, ее собственное оперение останется белоснежным. Единственное, что держало ее песню за горло, что ситуация не является ее частным несчастьем, а имеет и государственное измерение. До какой степени ей позволено обнажить политическую тайну родины, устанавливая личную истину?

И тут выяснилось, что она-то созрела для самоочищения, а вот студенческая среда слишком консервативна и не спешит ее поддержать. В одной компании Лариса в гуще общего разговора сделала выпад против соседки-извращенки. Окружающие затихли, обратили на Ларису удивленные взоры. Одна девушка с маленьким бюстом, но твердым харак-

тером сказала:

– Она же твоя подруга!

– Бывшая подруга, – бросила Лариса, презрительно покидая компанию. Она поняла, что одним наскоком тут ничего не добиться, а есть ли силы на продолжительную кампанию?

Она переночевала у Лиона Ивановича. Была молчалива. Не рассказала ему ни о беременности, ни о страшной кофеманке и на следующий день унеслась туда, где надеялась обрести помощь.

Домой.

Всю дорогу она перебирала в уме известные ей способы избавления от беременности. После этой дикой истории с сумасшедшей революционеркой поедавший ее изнутри плод нелепой провинциальной любви стал ей вдвойне отвратителен. Годился любой результативный способ избавления от него.

Москва готовилась той весной к Олимпиаде, и об отъезде беременной девушки она не пожалела. Столица прихорашивалась и выметала вон лишних людей, рассыпая их веером на стокилометровом расстоянии от своих границ. Таким образом, ненужность Ларисинога ребенка увеличивалась еще на целый порядок, он был лишним не только в жизни своей матери, но и в жизни Москвы.

Что она думала о пожирательнице валидола? Да почти ничего. Против ожиданий какого-нибудь отставной козы

неофрейдиста, психика девушки не была радикально изменена этой историей. Она засела в ней не глубже, чем в Аксинье воспоминание об изнасиловании собственным отцом. Две обжигающие опасности: изменить родине и изменить полу, – совместившись, спалили начисто Изу, оставив от нее в памяти лишь небольшое дымное облачко, как от плохой сигареты.

Одно время Ларисе, упавшей на тихое дно провинциальной жизни, казалось, что и с Москвой покончено так же, как с ненормальной иностранкой.

Однако нет.

Всего через полтора года Лариса уже вновь сидела на кухне у Лиона Ивановича на Речном вокзале, ела пиццу и слушала рассказ хозяина дома, как готовится пицца. Это еда итальянских бедняков, на кусок теста крошат остатки того, что завалялось в холодильнике... Тогда еще можно было, сообщая эту чушь, выглядеть продвинутым человеком, мода на эту дрянную еду еще только начиналась в стране.

Жаркий сентябрь за окном. Лариса ела очень осторожно, сильно вытягивая шею вперед, чтобы не капнуть томатным соусом на платье. Отличное белое бязевое платье – спасибо мамочкиным связям. А еще новые, агрессивно изящные боножки. Тонкие сильные загорелые руки в золотистых волосках, новая манера прищуриваться, как будто все, что попадает на глаза, оказывается ничтожнее, чем ожидалось. Лариса ела с удовольствием, с удовольствием ощущала свою подтянутую, загорелую, прохладную, несмотря на окружающую духоту, фигуру, отточенную на приеманских пляжах, и с некой ледяной радостью понимала, что она сейчас непобедима. Вон даже этот старикан у плиты и тот поплыл, ему

даже трудно говорить – все время сглатывает сладострастную слюну. Но нет, теперь она не продешевит, она знает себе цену и поставила перед собой совершенно конкретную цель.

– Итак, ты приехала... – сказал Лион Иванович, затягивая потуже узел пояса на халате, лаконично демонстрируя свою сексуальную лояльность.

– Да, – беззаботно облизывалась Лариса, промакивая салфеткой свои чуть суховатые от природы, как бы всегда слегка опаленные страстью, губы.

– А в институте?

– Восстановилась.

– Ты же не уходила в академ?

– Ну и что? Я просто поговорила с деканом... беременность, то-се... и опять студентка.

Лион Иванович звучно скрутил пробку на бутылке «мартины» – редкость в те времена еще бóльшая, чем пицца.

– Ну, что ж, значит, моя помощь не нужна?

– Нет, дядя Ли, нужна.

Маленький хозяин ожил:

– Ну?

– Я хочу замуж.

Артист поставил бутылку на стол. Еще раз затянул пояс и к тому же поправил шелковый шейный платок. Тихо просвистел:

– Фиктивно?

– Зачем? По-настоящему. Чтобы даже, может, с детьми.

Наполнив бокалы, Лион Иванович искоса глянул на развалившуюся в углу кухонного дивана фемину острым черным глазом:

– Но я женат.

– Ой, дядя Ли, вы, конечно, идеальный вариант...

– Понятно.

Лариса решила так – шутки в сторону, надо устраивать свою жизнь на серьезный лад, иначе можно до старости проболтаться в восторженных дурочках. Такие мысли часто приходят в девятнадцатилетние головы.

Любовь? Не смешите! Видели мы вашу любовь. Сплошная дичь и извращение. Надо ставить на настоящие, солидные ценности. Хороший дом (квартира, дача, машина), пристойный муж, пусть даже дети через какое-то время, а там посмотрим, там наверняка откроются какие-то новые виды.

В голове Ларисы как-то спокойно уживались две взаимоисключающие идеи: во-первых, жизнь коротка и надо торопиться, чтобы все успеть, во-вторых, все еще впереди.

– Вы мне поможете, дядя Леня? Вы ведь всех в Москве знаете.

Встретились у ресторана «Прага». Лариса поглядела на него с другой стороны Калининского проспекта, и ресторан почему-то показался ей океанским кораблем, по ошибке заплывшим в скопище городских зданий. В самом деле, дом сужается утюгом и как бы неуловимо движется ей навстречу. Нет, это ей просто хочется, чтобы впредь, начиная с сегодняшней встречи, все в ее жизни двигалось ей навстречу. Она в каком-то смысле, если угодно, Ассоль. И очень интересно, каков он, предстоящий капитан. Лариса иронизировала над собой, что ей было, в общем-то, не свойственно. Ситуация была настолько не романтической, что не хотелось смиряться с ней без хотя бы кривой усмешки.

Улыбнулась и нырнула в подземный переход.

Лион Иванович стоял у входа и сыто цыкал зубом.

– Так мы что, никуда не идем?

– Идем, почему ты решила...

– Но вы только что из ресторана.

– Я просто зашел поесть. Это не имеет никакого отношения к делу.

– Странно, ну ладно. – Лариса крутнулась перед своим низкорослым кавалером, показывая обнову. – Как? Я сгоняла сегодня на «Беговую». Сто восемьдесят. На «Врангеля» денег не хватило. «Ю эс топ».

Лион Иванович ощупал мелкими пальцами заклепки и швы:

– Это не американские. По-моему, Бразилия. Вроде бы не самострок.

Лариса возмущенно кашлянула:

– Меня трудно обмануть в таких вещах.

Лион Иванович кивнул:

– Пошли. Тут недалеко. Староконюшенный переулок. Старая породистая московская еврейская семья. Надеюсь, ты ничего не имеешь, так сказать, против?

– Про что вы?

– Академик Янтарев и его семья. Дочь академика, ее сын, то есть внук академика, муж дочери, которого нет, но который зять академика. Еще Нора, это как минимум. Они могли кого-то пригласить. Я друг зятя.

– Которого нет?

– Ты очень сообразительная.

– Да. А где зять?

– Ну-у, зачем тебе?

– Значит, ушел из дома.

– Ты еще и в жизни разбираешься, не только в шмотках.

Они быстро шли по Старому Арбату и на первом же повороте повернули налево.

– Вот еще что, Ларисочка.

– Мне не нравится, когда меня так называют.

– По легенде, ты моя девушка.

– Это и не по легенде, я ведь пришла с вами.

– Не понимаешь. Я в этом доме принят в некотором особом качестве, вернее, создал определенный образ. Я человек из артистической среды...

– А-а...

– Да, да, вокруг меня все время женские персонажи, по ним меня узнают. Так вот, ты кадр из моей новой программы, скажем, начинающий редактор.

– Какое-то противное слово, лучше я буду из кордебалета. – Она остановилась и подбросила стройную тяжелую ногу канканным движением.

Лион Иванович поморщился – напор и веселость студентки в новых джинсах ему не нравились.

– Ладно, ладно, дядя Ли, буду редактор.

– Будем считать, что это плата за своднические услуги.

– Зачем вы так?

– Пришли.

– Скажите, дядя Ли, а про евреев вы предупредили, чтобы я не удивлялась, какие жадные, даже не накормят?

Лион Иванович поморщился:

– Просто у них домработница заболела, некому готовить.

Лариса взяла эти слова на заметку.

Квартира ее приятно ужаснула. Система темных, пыльных ущелий, доисторический паркет, протертый за века подметками, как мостовые на улицах откопанной Помпеи. Потолок теряется где-то в верхних слоях атмосферы, глупо даже тра-

тить взгляд на его различие. Стен тоже нет, одни стеллажи, переполненные очень старыми книгами. Все вещи очень заслуженные и немного больные – золото пообтерлось, шелк поблек, стекло помутнело. Воздух, как домашнее животное, которое никогда не выпускают на улицу, слишком здешний. Вдалеке мелькнула кухня, кафельный, со смутным рисунком пол, холодильник, как в мамином госпитале, в два этажа, стенные шкафы тяжело над всем этим нависают, просто-таки застекленные севильские балконы.

В общем, Лариса ощущала себя неожиданной свежей новостью, запущенной в голову старого маразматика.

– Нам сюда, – сказал худой лобастый юноша, видимо, внук академика... стало быть, тот самый...

Лариса не почувствовала и тени волнения. Пока не стоит смотреть в его сторону, а он пусть тарашится. И тревожно промакивает свои такие ранние залысины. Одет, вообще, ничего так. Брючки серого вельвета умеренно потертые, рубашка без ворота, адидасовские кроссовки, эту информацию Лариса считала, даже не повернув головы в сторону претендента.

А вот и какая-то девица в возрасте, голова бесформенная и кудрявая, очки, тяжелая грудь в черной водолазке. Какие-то жуткие штанцы с вытянутыми по-мужски коленями, как же можно так себя запускать, милая!

– Норочка, – запел Лион Иванович.

Она посмотрела на старичка как старшая сестра и вздох-

нула, ну, шали, шали.

«Норочка, – усмехнулась про себя Лариса. – Норочка в пещере».

– Это Лариса.

Лариса сделала иронический, как она считала, книксен.

– Опять я опоздала, дядя Ли, – вздохнула тяжелая водолазка, – опять вас перехватили, когда же моя очередь?

Нора шутила с таким трудом, что хотелось отвернуться. И Лариса отвернулась от этого разговора и тут встретила взглядом с внуком. Он смотрел не отрываясь, не моргая, с выражением уже все решившего для себя человека. Это было немного комично, при его щуплой фигуре и залысинах.

– Рауль, – сказал он.

– Кастро? – Автоматически, как в студенческой курилке, пошутила Лариса, чуть-чуть жалея, что она скорей всего сантиметров на пять-семь выше его, значит, туфли на каблуках под вопросом.

– Нет, я не кастрат, – еле слышно сказал молодой человек.

Нора снисходительно покосилась на него – каламбурщик! Лариса тоже поняла, что парень пошутил неудачно, но ничего на лице своем не выразила.

– Я сейчас загляну к маман, а вы пока займите гостью, – сказал Лион Иванович и двинулся вглубь дома.

Нора вздохнула и, не говоря ни слова, побрела в противоположном направлении, но тоже вглубь, давая понять, что не считает просьбу артиста относящейся к себе.

– Пошли на кухню, – сказал Рауль.

Пошли. Сели к большому, накрытому когда-то роскошной клеенкой столу. Водя пальцем по длинному порезу, Лариса оглядывалась:

– А там что, дверь?

– Черный ход.

Почему-то сообщение о черном ходе ее очень развеселило. Стало совсем уж как-то все театрально, прямо баре-господа.

Рауль же продолжал поедание ее глазами, как будто она была начальство. Лариса не смотрела на него, но ощущала что-то вроде легчайшей щекотки по всему телу.

– А почему тебя так зовут, ты кубинец?

– Отец татарин. Он хотел, чтобы меня назвали Равиль.

Пришли к компромиссу.

– А Нору хотели назвать Нюрой?

– Вроде того.

– Поня-ятно.

– Выпить хочешь?

Тут Лариса на него посмотрела. Ничего интересного или хотя бы опасного в нем не ощущалось, хотя, конечно, видно, что господин окончательно готов.

– А что, у тебя есть выпить? – Ей было абсолютно все равно, но она считала, что надо так спросить.

– Вино какой страны вы предпочитаете в это время суток?

Лариса не поняла парольной фразы: «Мастера» она еще не

читала – и чуть набычилась, не понимая причину внезапного перехода собеседника на «вы».

Рауль одним движением метнулся к буфету и вернулся с красивой бутылкой и двумя фужерами:

– Ты не бойся, квартира и правда большая, а Иванычу я скажу, что ты ушла. Надоело ждать, и ушла.

Однако, темп! Может, дать мальчику по физиономии? В другой ситуации она бы так и поступила. Но сейчас решила, что могут не так понять. Разумнее всего – следовать заранее утвержденному плану. Спокойно, постепенно, с прицелом на конечный результат. Она решила выйти замуж, и она сделает это.

В коридоре послышался непонятный звук – как будто тяжелая змея ползет по старинному паркету, почему-то подумалось Ларисе. Через секунду в дверном проеме появилось инвалидное кресло на колесах. В нем сидел прикрытый клетчатой пледом старик. Седые волосы всклокочены – наверно, ему что-то приснилось, и волосы торчат как впечатления. Горло замотано. На бледном, вроде бы бессмысленном лице вдруг при виде нового человека проявилась симпатичная, даже умная улыбка.

Рауль воскликнул:

– Вот и он, вот наша «раковая шейка»!

Академик Янтареv поклонился, больше вбок, чем вперед. Было в его облике что-то неуловимо восточное.

В тот вечер Лариса ушла с Лионом Ивановичем, и он был в великолепном расположении духа.

– Кажется, клюнул, – сказала Лариса.

– Да, я видел. И Элеонора меня простила.

– Что?!

– Понимаешь ли, мой друг и ее муж, я о матери Рауля говорю...

– Я поняла.

– ...ушел из дома с моей девушкой, с девушкой, которую привел я, и я дал обещание, что вроде как компенсирую...

– Так мое настоящее имя – «компенсация»?

– Не сердись.

Лариса дернула плечом, сбрасывая лапку дяди Ли:

– Только я не понимаю, вы так радуетесь, как будто очень ее боялись. Она же, Элеонора эта, просто мышь белая. А дедушка мне понравился – хоть немой, а веселый.

Лион Иванович мелко-мелко засмеялся и сказал задумчиво:

– Элеонора Витальевна не мышь.

– Мышь, мышь, зубки мелкие-мелкие.

Сводник опять засмеялся. Потом сразу настроился на деловой лад:

– Ты с него сруби побольше, я имею в виду с Раульчика. Не очень знаю, чем он зарабатывает себе на пропитание, скорей всего просто фарцует по-среднему, но связи у него есть. Я имею в виду, пусть раскошелится. Потребуй ресто-

ран ВТО. Мишель Жарр, кажется, приезжает на днях, требуй билеты. Да, скоро в ЦДРИ «Посиделки», нехай крутится. Нечего просто так ноздри раздувать. Ты должна Москвы попробовать. Я тебе со временем еще пару пунктов подкину в список, но это уже будет все, дальше сама.

– Ладно, сама.

– Ну, вот и славно.

– Скажите, а Нора – это кто, сестра? Почему только так не похожи они с Раулем?

План Лиона Ивановича был выполнен во всех пунктах. Был ресторан, был концерт, и не один, были «Посиделки» в ЦДРИ. Там Ларисе понравилось больше всего. Очень много знакомых лиц. Как будто в одно помещение вытрясли весь телевизор. Удивительно приятное ощущение, что, не прилагая никакого усилия, проводишь время не зря – эффект звездной тусовки. Вел вечер маленький, щекастый человек с огромными ушами и обаятельным апломбом.

Лариса от души смеялась его предельно двусмысленным шуточкам, стараясь не смотреть в сторону Раульчика. А тот нервничал. Старался выглядеть надменным, уверенным в себе, а было ощущение, что под столом все взводит и взводит какой-нибудь кольт. Не развлекался, а пребывал на охране добычи. И было от кого охранять. Однажды, когда они зашли в ресторан, из окон которого был виден Пушкин, к ним за столик плюхнулся длинный пьяноватый актер со знакомой бородищей, знакомым голосом, только бы еще вспомнить, к какой роли они относятся. Кратко поздоровавшись с внуком академика, красавец навис над Ларисой, бормоча какой-то творческий бред. Лариса с ним кокетничала в тех рамках, что считала дозволенными. Было смешно, что Рауль так дергается. Было слишком понятно, что бородатое чудовище, в общем-то, безобидно, герой всего лишь разговорного жанра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.